

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Трусов Михаил Александрович

Институциональные особенности регулирования межнациональных
отношений в современной России

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель: доктор политических наук, доцент
Чесноков А. С.

Екатеринбург – 2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	8
§1. Концептуальное содержание понятий «этнос» и «нация» в контексте политической науки	8
§2. Политический институт как категория анализа	35
ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	56
§3. Государственное регулирование в сфере межнациональных отношений.....	56
§4. Роль институтов гражданского общества в регулировании межнациональных отношений	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	117

ВВЕДЕНИЕ

Функционирование «многонациональных» или «многоэтнических» (что связано с отдельной актуальной проблемой корректного употребления терминов) государств с точки зрения федерального правительства вызывает определенные проблемы, связанные с предотвращением этнонациональных конфликтов, противостоянием сепаратистским тенденциям, формированием стратегии межнациональных отношений, способной предоставить обществу и государственному аппарату работоспособный, соответствующий существующим интересам и действующий в стратегической перспективе курс развития страны. Внутригосударственные политические процессы в условиях многонационального государства обладают дополнительным измерением, затрудняющим планирование и принятие решений, а порой и раскалывающим государство на несколько частей по этнонациональному признаку.

Кроме того, представляется разумным глубже исследовать практику Российской Федерации в деле конституирования многонационального государства, состоящего в том числе из национальных субъектов с разнообразным населением. Учитывая относительную уникальность проблемных моментов для каждой страны, особенно полезно выделить основополагающие признаки конкретной институциональной среды, а также ключевые «болевы точки», которые при неблагоприятном развитии событий могут стать конфликтогенными факторами или, в крайнем случае, факторами разделения страны по национальному или этническому признаку.

Актуальность темы связана, по нашему мнению, с тем, что многие из этих проблем, к сожалению, решены не в полной мере. Отчасти это происходит по причине существования практически в каждой стране собственных давних традиций осуществления межнациональных и межэтнических взаимоотношений, негласно или явно сформулированных в концепциях развития государства и повторяемых в официальной речи

политиков и политических теоретиков. В целом, эти основные идеологические положения обычно тесно связаны с поддерживаемым государством магистральным идеологическим вектором, существенное изменение которого может восприниматься крайне болезненно. При этом исследовательская работа и рефлексия на тему возможных путей развития, позволяющих обойти потенциальные кризисные ситуации, все же должна вестись, несмотря на неполную ее востребованность государственным аппаратом, зачастую весьма консервативным и стремящимся продолжать использование однажды избранного подхода и набора основополагающих принципов. Кроме того, ряд представленных в Российской Федерации этносов (включая русский), не имеющих сформированной государственности и собственной национальной республики, не представлен в федерации соответствующей нацией. Это приводит к тому, что в ряде случаев необходимо делать оговорку и «межнациональные отношения» понимать как «межэтнические \ межнациональные отношения», в которых одна из сторон может быть представлена не полноценно сформированным институтом нации, а этносом. При этом, однако, применение концепции института нации хотя бы с одной стороны уже позволяет нам использовать в исследовании понятия институциональных среды, соглашения и практики.

Объектом исследования являются межнациональные отношения, имеющие место в рамках многонационального государства (на примере Российской Федерации).

Предметом исследования, в таком случае, является специфика институционального регулирования межнациональных отношений на уровне государства и гражданского общества.

Целью является соотнесение относительной эффективности некоторых методов государственного и общественного регулирования внутригосударственных межнациональных отношений посредством разных институтов и выделение наиболее перспективных способов.

Ставились следующие **задачи исследования**:

- Изучить ход исторического развития и современные трактовки терминов «этнос» и «нация», составить авторское определение обоих понятий.
- Исследовать картину межнациональных и межэтнических отношений с точки зрения институционального подхода, найти точки соприкосновения представленного категорией «этносов» или «нации»\«наций» общества и государственного аппарата, сформировать авторское определение понятия института.
- Выявить противоречия и конфликтные тенденции в сложившихся российских институциональных практиках государственного регулирования в сфере межнациональных отношений.
- Проанализировать и выделить противоречия данным концепциям со стороны институтов гражданского общества и местного самоуправления.

Гипотезой исследования выступает тезис о сравнительной неэффективности исключительно государственного управления межнациональными отношениями в многонациональном государстве (осуществляемого посредством использования различных специальных государственных органов и нормативно-правовых актов, регулирующих те или иные аспекты межнационального взаимодействия) и пользу от увеличения доли методов общественного институционального регулирования данных отношений.

Научной новизной исследования являются связанный с логикой исследования авторский подход к определениям этноса, нации и политического института, выделение двух разнонаправленных тенденций в концептуальном обосновании регулирования межнациональных отношений, обозначение методов государственного и общественного регулирования внутригосударственных межнациональных отношений.

На защиту выносятся следующие положения:

- После изучения различных теорий целесообразно вывести собственные определения, исходя из достижений научной школы конструктивизма, и рассмотреть этнос именно как сообщество, объединяемое

воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями, а нацию – как образуемое на этнической основе динамическое сообщество, объединяемое и определяемое политическими и символическими результатами рационального выбора.

- В рамках изучения феномена нации можно успешно использовать понятие института, определяемого как элемент социальной и политической структуры общества, опирающийся на юридические нормы и общественные конвенции, и институциональный подход, в рамках которого нация как воображаемое сообщество в общественной и политической сфере ограничена рамками институциональных среды, соглашений и практик, очерчивающих рамки допустимого.
- Исключительно государственное регулирование межнациональных отношений представляется не самым рациональным подходом. Нередко государственный аппарат не в полной мере справляется с крайне важным процессом централизованной поддержки четкой и единой концепции, а также выстраиванием системы соответствующих государственных органов, работающих с различными аспектами внутригосударственной межнациональной политики.
- Институты, занимающиеся общественным регулированием внутригосударственной национальной политики (например, партийный аппарат), порой оказываются гораздо эффективнее в деле выражения интересов различных наций и прочих сообществ – это происходит благодаря прямой передаче совершенного населением рационального выбора на уровень федеральных или местных политических структур.

Практическая ценность результатов диссертационного исследования заключается в привлечении повышенного внимания исследователей и политиков к текущим и возможным будущим проблемным аспектам, связанным со сложившейся практикой государственного регулирования

межнациональных отношений, а также в предложении новых путей общественного воздействия на такие отношения.

В ходе исследования были использованы следующие **теоретические методы**: институциональный метод, отдающий приоритет функциям и деятельности политических институтов (нации, государственных органов, политических партий и общественных организаций), а также сравнительный метод, прогностический метод, экстраполятивный метод.

Отдельные положения были апробированы на следующих конференциях: Пятая международная научно-практическая интернет-конференция «Общество и этнополитика», организованная в рамках научного направления Сибирского института-филиала РАНХиГС при Президенте РФ; Бердянская сессия I Всеукраинской научно-практической конференция с международным участием «Приднепровские социально-гуманитарные чтения», прошедшей в Бердянском государственном педагогическом университете; Всероссийская молодежная научная конференция, проходившая 5-7 сентября 2012 года в Омском государственном университете.

Всего в общей сложности из печати вышло 8 публикаций по теме диссертации (статьи, тезисы докладов на конференциях), 3 из которых выпущены в журналах, входящих в Перечень ВАК.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§1. Концептуальное содержание понятий «этнос» и «нация» в контексте политической науки

Особым значением в рамках используемого в данной работе категориального аппарата политической науки обладают концепции этноса и нации, содержание которых в разных источниках предстаёт совершенно разным. Кроме того, оно значительно изменилось в ходе развития политической, этнографической, социологической наук и самой истории XIX-XX века, немалая часть которой тесно связана с национально-освободительными, националистическими, фашистскими движениями (а также стоящими по другую сторону баррикад социалистическими, равно не пренебрегавшими вопросами национальной политики), формировавшими политическую и социальную повестку дня. Изучение этих понятий затруднено значительным разнообразием сфер их применения: этнография, политология, социология и повседневный язык – все они в той или иной степени оперируют этими терминами, порой вкладывая в них абсолютно разные значения, более релевантные для своей точки зрения, научной школы и конкретного случая. Необходимо исследовать различные значения, придаваемые этим понятиям в работах современных и более ранних, но прямо повлиявших на современное состояние данной проблемы исследователей, выявить закономерности и связать близкие теории, а также вывести собственные определения, наиболее подходящие нашей цели. Впоследствии это позволит нам разграничить сферы теоретического и практического использования различных интерпретаций описываемых терминов, а также полнее изучить некоторые аспекты регулирования межнациональных отношений в многонациональном государстве.

Основными, однако, делящимися внутри направлениями можно считать эволюционизм и конструктивизм: масштабные научные школы, занимающиеся рассмотрением этноса и нации, соответственно, как предопределённых и не изменяющихся в ходе истории общностей, связанных по тому или иному признаку, или как конструкций, создаваемых людьми для самоотождествления и концентрации своей воли в политической сфере общественной жизни, направления её на достижение неких общих интересов – своеобразного продукта общественного договора.

Эволюционизм, будучи исторически более ранней идеей, в значительной степени опирается на труды этнографов и исследователей культур примитивных народов. Так, отправной точкой эволюционизма можно считать примордиализм – этнос согласно этой теории выступает изначальным и постоянным объединением людей с неизменными признаками. В русской научной литературе одним из отцов-основателей данной школы является С.М. Широкогоров – автор работы «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Там он определяет этнос как «группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»¹. Важным его вкладом в научный категориальный аппарат является повторяемое многими более поздними отечественными исследователями чёткое разделение понятий: С.М. Широкогоров сознательно отказывается от недостаточно ясных терминов «народность», «народ» и «племя»; относит понятие «род» к области ведения социологии, а «расу» – к области ведения антропологии. Ещё более важно то, что он уделяет некоторое внимание термину «нация», отмечая его несомненную важность и полезность и придавая ему именно политический окрас, указывающий на настоящее или будущее присутствие

¹ Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы, Книга 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/051210113853.xhtml> (дата обращения: 24.05.2014).

всякой «нации» на мировой политической карте в виде государства. Таким образом, понятие нации оказывается крайне близко и параллельно понятию этноса, подразумевая также непрременную государственно-политическую компоненту, отсутствующую в содержании понятия этноса. В качестве одного из важнейших факторов, определяющих этнос, большинство экспертов называют язык. В ряду прочих этноконструирующих структур многие исследователи выделяют понятие, называемое этнической культурой: «это функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях»². Очевидно, что в таких условиях основную консервационную роль будет выполнять биологическая общность составляющих этнос индивидов.

Дополнительным материалом для исследования понятия этноса в представлении эволюционистской и примордиалистской школы являются, в основном, работы именно этнографического и культурологического толка: среди них можно выделить «Золотую ветвь» Дж. Фрезера, «Первобытную культуру» Э. Тайлора, «Древнее общество» Л. Моргана и «Основания социологии» Г. Спенсера. Именно сформировавшееся в работах учёных этой школы понятие этноса стали развивать исследователи, более прямо и открыто заинтересованные политической наукой. Этнография преимущественно рассматривала примитивные этносы в рамках изучения первобытной культуры и основ человеческого общежития – отсюда отсутствие наделения понятия этноса каким бы то ни было политическим содержанием, практически никак не представленным в повседневной жизни примитивных этносов, живущих родоплеменным укладом.

В своей основной работе «Древнее общество» Л. Морган рассматривает первобытную и околпервобытную культуру, применяя термин «этническое» для разделения, например, культур жителей Африки и Австралии или Полинезии, наделяя его при этом временным компонентом:

² Лурье С. В. Историческая этнология. – М: Аспект Пресс, 1997. – с. 41

«[...] индейская семья Америки, в отличие от всех других существующих семей, представляла состояние человечества в трёх последовательных этнических периодах»³. Согласно его логике эти периоды носят характер системы, необходимой для классификации обществ в системе условных ступеней развития общества: низшая, средняя и высшая ступени дикости, три аналогичные ступени варварства и финальная ступень цивилизации.

Г. Спенсер, британский социолог и политический философ, в своей работе «Основания социологии» развивал идею органицизма, но обратился при этом к вопросам этноса и, в некоторой мере, политическим концепциям. Так, в качестве одного из столпов своей теории он представляет идею о естественном, органическом развитии общества, выражающемся, в том числе, в постепенном укрупнении этого общества от состояния разрозненных отдельных родов до группы маленьких государств, представляющих собой одно большое государство. «Во времена римской истории многія племена сливались въ федераціи въ виду оборонительныхъ цѣлей; съ теченіемъ времени эти федераціи пріобрѣли значительную прочность, а еще позже вошли сами въ составъ еще болѣе обширныхъ агрегатовъ»⁴. Это классический эволюционистский подход, который, опираясь на различные аспекты существования отдельных исторических и современных исследователю этносов, связывает идею этноса с общественным бытием и развитием общественных и, отчасти, политических структур. Однако в этой квинтэссенции эволюционизма мы ещё не находим идеи сознательного конструирования национальной идентичности самими гражданами государства – они лишь развивают свою этническую компоненту единственно верным образом, продвигаясь по, во многом, условной и вестернизированной шкале от дикости к цивилизации. Таким образом западные этнографы и социологи объясняли несомненно происходившее в

³ Морган Л. Древнее общество. – Ленинград: Издательство Института народов севера ЦИК СССР, 1935. – с.13

⁴ Спенсер Г. Основания социологии. Томъ второй. – С.-Петербургъ: Изданіе И.И. Билибина, 1877. – с. 773

истории развитие культуры и общественного устройства первобытных племён. Эта тема до сих пор интересует различных исследователей – так, в одной из своих работ, написанных уже скорее с точки зрения политолога, чем этнографа, академик Тишков по сходному поводу отмечает, что «этнообразование, включая популяционно-генетические факторы, продолжается и в сегодняшнее время»⁵.

Также следует понимать, что антропологи и этнографы подходили к изучению понятия «этнос» с точки зрения соответствующих наук и не занимались комплексным исследованием этноса вкуче с интересующими нас феноменами национализма, национального государства. «Только после того как ряд антропологов, таких, как Ричард Хандлер, Брэкет Вильямс, Кэтрин Вердери, Томас Эриксен интегрировали теории национализма в изучение этнических явлений, “этничность и национализм” стали единым исследовательским полем»⁶.

Отметим, что в массовом сознании жителей и политиков России понятия этноса и нации трактуются, как правило, вполне в духе школы примордиализма, что отмечает академик В.А. Тишков. «Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей»⁷. Это необходимо понимать для изучения установившейся институциональной среды, о которой речь пойдет в следующих параграфах. Здесь мы отметим лишь значительную важность концепции этноса для

⁵ Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. [Электронный ресурс]. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1316.doc> (дата обращения: 24.05.2014).

⁶ Коротева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – с. 83

⁷ Тишков В.А. Перепись населения и конструирование идентичности. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn_na_puti_k/_perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 24.05.2014).

понимания сложившихся межнациональных отношений в РФ и одного из способа организации этих отношений, который мы условно назовем «мультикультурным».

Этничность, согласно некоторым определениям этноса, постигаемая через призму социального поведения и набора установок, усвоенных в процессе передачи культурного наследия, выступает механизмом позитивной дискриминации: она позволяет самоорганизовываться в группы и выступает своего рода защитным механизмом. При этом разумно предположить, что т.к. принадлежность к той или иной этнической культуре, подобно принадлежности к этносу, также по природе своей биологична и, как следствие, свойственна всем без исключения, она является вполне универсальным критерием. «Большинство социологов считает, что “набор и связки” культурных стандартов обладают определенным постоянством»⁸.

Существует, однако, мнение о неустойчивости, текучести, многоуровневости и двусмысленности этнической характеристики, что делает ее применение более проблематичным. Это мнение разделяют и официальные круги, определяющие развитие национальной политики в России⁹. При таком подходе остается еще меньше места для примордиальной детерминированности, а управлению и изменению при последовательном и разумном регулировании поддаются абсолютно все характеристики. Мы, однако, склонны к более консервативному взгляду на этнос: несмотря на значительную биологическую составляющую, социальное конструирование этноса возможно, но требует формирования новой этнической культуры, базирующейся на языке, литературных памятниках и мифологии в широком смысле слова. Нам представляется, что по сравнению с конструированием

⁸ Покасова Е. В. Адаптация в поликультурном окружении: маргинальность или бикультурность? // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Выпуск 6 / Под ред. Ю.В. Попкова. – Вып.6. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – с. 163

⁹ Тишков В.А. Перепись населения и конструирование идентичности. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn_na_puti_k_/perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 24.05.2014).

нации, о котором речь пойдет позже, генезис этноса является делом еще более долгим и сложным, требующим крайне продуманной и дальновидной стратегии – можно опустить этот аспект в рамках текущего исследования как не самый актуальный в настоящее время. Вернемся к исследованию иных вариантов содержания понятия этноса.

Ю.В. Бромлей, один из основоположников дуалистической концепции этноса и противник пассионарной теории Л.Н. Гумилёва, также подтверждал порочность применения термина «народ» в научной литературе¹⁰. В первую очередь, он отмечает неременную связь представителей одного этноса и, следовательно, разграниченность этносов как отдельных друг от друга внутренне целостных совокупностей индивидов, связанных по некоторому признаку. К прочим отличительным свойствам этноса Ю.В. Бромлей причисляет относительную устойчивость и наглядность. Эти важнейшие признаки этноса, согласно дуалистической теории, являются стержнем, на который прочие авторы нанизывают иные дополнительные свойства, играющие главную роль согласно их собственным теориям: «Так, одни авторы в качестве главных признаков этого рода называют язык и культуру; другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание; третьи указывают, кроме того, на особенности психического склада; четвертые включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность; пятые усматривают сущность этноса в особенностях психических стереотипов»¹¹.

Кроме того, давая формальное определение понятию этноса, Ю.В. Бромлей приводит основные этапы его развития, признавая ограниченный уровень его применения на начальном этапе и такие варианты, как «для обозначения ранней стадии в истории человечества (Л.Г. Морган), историко-культурных провинций (А. Бастиан), просто культурных единиц (Ж.В.

¹⁰ Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // «Природа». 1970. №2. – с. 51

¹¹ Там же, с. 52

Ляпуж)»¹². Следующим этапом Ю.В. Бромлей считает этнические теории М. Вебера и уже упоминавшегося нами С.М. Широкогорова, которого он, впрочем, критикует за излишнюю биологичность подхода, вполне свойственную исследователям этнографической школы. «Рассматривая общество как выражение биологических отношений, он считал, что каждый этнос представляет собой отдельный вид, биологической функцией которого является война»¹³. Также фиксируется редукционистская точка зрения западных исследователей, приравнивающих этносы к нациям, которые ещё не полностью осознали себя, а также ко всем группам общества, обладающим этническими свойствами.

Мы видим, что дуалистическая теория этноса стремится объяснить другие, обнаружив некие фундаментальные основы и выделив именно их в качестве критериев существования этноса, максимально очистив тем самым это понятие от всяческого субъективизма, наносимого конкретными исследователями и научными школами. Ю.В. Бромлей пишет об этом: «Поэтому весьма трудно выявить его сущность – основные, неотъемлемые признаки, отличать их от второстепенных свойств»¹⁴.

Так, этносом в узком смысле этого слова, неотъемлемым ядром этнической общности называется «совокупность этих [этнических] свойств, обладающих особой устойчивостью»¹⁵. Основным эмпирическим показателем особой устойчивости свойства является его сохранение при миграции этноса и факт воспроизводства людьми, оказавшимися в новых условиях существования, определенной части своих традиционных этнических свойств – выведения их из своего общего прошлого, глубочайших культурных и биологических свойств. Сюда разные исследователи относят язык, материальную культуру, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи и обряды, нравы и

¹² Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – с. 41

¹³ Там же, с. 42

¹⁴ Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // «Природа». 1970. №2. – с. 52

¹⁵ Там же

т.п. Крайне важно для нас, что «этноты, несомненно, должны быть отнесены к тем явлениям, которые возникают не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса»¹⁶.

При этом этнос в широком смысле слова, согласно дуалистической теории, приравнивается к так называемому «этносоциальному организму» – этносу, соответствующему определённой экономико-социальной структуре. Это понятие в советской этнологической школе крайне близко так называемому «третьему типу общности» – нации, которая в зависимости от политической обстановки может быть, к примеру, буржуазной или социалистической. Таким образом, дуалистическая теория соединяет понятия этноса и нации посредством термина «этносоциальный организм» или «этносоциальная общность», уже подразумевающего некое проявление воли входящих в неё людей и влияние этой воли на организацию данной структуры.

Важной отечественной теорией этноса, развивающейся в русле примордиализма, является пассионарная теория, связанная, прежде всего, с именем Л.Н. Гумилёва. Так, в своей работе «Этногенез и биосфера Земли» он подводит итог основным существующим теориям этноса и представляет собственные положения. Прежде всего, он выделяет вопрос сущности этноса из общественных наук и располагает его ближе к истории, географии, аргументируя это тем, что этнос, подобно языку, не является социальным явлением и может существовать в разных формациях, добавляя при этом, что все люди причастны этносфере и «нет людей вне этноса»¹⁷. Это можно считать развитием и углублением первоначальных идей этнографической школы, не порывающим с ними в корне и не отказывающим этносу в примордиальности, неизменности и «биологичности». Этнос при этом служит маркером, отделяющим одну совокупность людей от другой: «Это

¹⁶ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: «Наука», 1981. – с. 16

¹⁷ Гумилёв Л.Н. Этнос как явление. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnos-kak-yavlenie/> (дата обращения: 24.05.2014).

свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и “своих” (иногда близких, а часто довольно далёких) всему остальному миру»¹⁸. Л.Н. Гумилёв также отмечает, что явление такого противопоставления универсально. Затем он связывает уникальное сочетание признаков, определяющих этнос, с историческим процессом, повлиявшим на его становление и его производственную деятельность, а также проистекающую из этого связь с ландшафтом, в условиях которого этнос вынужден обитать. При радикальном изменении этих условий этнос столь же радикально преобразуется, меняет стереотипы поведения и видоизменяется до неузнаваемости. Крайне важно, что, согласно определению Л.Н. Гумилёва, «объединиться в этнос» нельзя, так как принадлежность к тому или иному этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. «Следовательно, в основе этнической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества»¹⁹. В то же время, согласно иной точке зрения, благодаря такому нерукотворному, а подчас и неотрефлексируемому происхождению «размытая и прерывистая этническая граница имеет мало общего с четкими линиями естественных и политических границ. Ее конфигурация неустойчива, постоянно меняется и зависит от характера взаимодействия граничащих народов, процессов колонизации, ассимиляции, политики государств и т.д.»²⁰.

Ход мысли Л.Н. Гумилева в этом вопросе позволяет причислить его теоретические разработки к школе примордиализма, во главу ставящей принцип врожденности и относительной неизменности этнической компоненты. Кроме того, Л.Н. Гумилёв рассматривает иную теорию, согласно которой этнос является социально-исторической категорией,

¹⁸ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – с. 64

¹⁹ Там же, с. 84

²⁰ Тишков В.А. Перепись населения и конструирование идентичности. [Электронный ресурс]. URL:

http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn_na_puti_k/_perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 24.05.2014).

причём его генезис и развитие определяются не биологическими законами природы, а специфическими законами развития общества. Этот подход, уже относительно близкий конструктивистской теории, подвергается критике за несовпадение границ более легко изменяемых и гибких социальных категорий и границ этносов. Отметим, что данную идею можно было бы более обоснованно применить при определении значения термина «нация», как правило, чаще связываемого с конкретными социально-политическими условиями бытия. В качестве примеров как раз приводятся довольно спорные и пограничные случаи (Ирландия, Шотландия, Каталония, фламандцы и валлоны). Различия языков, вероисповедания и культуры не препятствуют единой этнической самоидентификации, находясь как бы в иной плоскости. В то же время по Л.Н. Гумилёву этнос может формироваться именно на основе подобных характеристик: «Сикхи стали этносом на основе религии, монголы – на основе родства, швейцарцы – вследствие удачной войны с австрийскими феодалами, спаявшей население страны, где говорят на четырёх языках»²¹. Следовательно, этносы претерпевают существенные изменения, но, как мы уже знаем, глубинные биологические этнические характеристики остаются статичны в рамках одного поколения, трансформируясь в более медленном темпе.

Помимо категории этноса Л.Н. Гумилёв рассматривает также более крупную категорию суперэтноса и более мелкую категорию субэтноса. Суперэтнос является совокупностью этносов, а совокупность суперэтносов (объединяющих, например, этносы французов, англичан, немцев и прочих близких народов в единое множество европейцев) составляют человечество. Понятие суперэтноса приравнивается к введёнными прочими исследователями категориям «цивилизации», «культуры» или «мира». Субэтнос же, напротив, является кирпичиком, из которых складывается этнос (согласно теории Л.Н. Гумилёва этносы способны делиться на более мелкие подмножества и имеют мозаичную структуру).

²¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – с. 65

Весьма отличный от описанных выше подход представлен в работах знаменитого социолога М. Вебера, упоминавшего в своем труде «Хозяйство и общество» в том числе об «этнических группах». М. Вебер предложил «называть “этническими группами” такие человеческие сообщества, которые разделяют субъективное убеждение в общности происхождения из-за сходства во внешних чертах или обычаях или благодаря памяти о колонизации и миграции; это убеждение должно способствовать формированию группы; не имеет никакого значения, существует или нет действительная общность по крови»²². Таким образом, этничность рассматривается как элемент социальной самоидентификации, один из маркеров, позволяющих отделять «своих» от «чужих», носящих, в данном случае, весьма субъективный характер. Именно такая общая самоидентификация облегчает формирование сплочённой группы индивидов, способной проявить свою волю и в политической сфере. Кроме того, при наличии политической сплочённости крайне облегчается личная социальная самоидентификация. Иницирует этот двунаправленный процесс, как правило, именно возникшее по тем или иным причинам у многих членов этнической группы субъективное ощущение причастности к прочим членам группы. «Так, в греческом полисе любое наиболее произвольное деление приводило в конце концов к общему культу и изобретению фиктивного предка»²³. Это, безусловно, можно считать конструктивистской теорией, в корне отличающейся от многих указанных выше положений, касающихся «объективно существующего» единства членов этноса по тем или иным признакам». Кроме того, П. Бергер и Т. Лукман наделяют близкую, согласно их теории, категории этноса социокультурную категорию «человеческой природы» значительной конструктивистской составляющей: «...гораздо

²² Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – с. 19

²³ Там же

важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя»²⁴.

Если осмыслить все эти концепции, а также рассмотреть данное И. Валлерстайном определение этнической группы как «культурной категории, определяемой через воспроизводимые от поколения к поколению поведенческие матрицы»²⁵, можно вывести собственное определение этноса.

Исходя из логики данной работы, этнос можно определить как сообщество, объединяемое воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями. При этом не следует забывать о важном уточнении Л.Н. Гумилева относительно мозаичности этноса и возможность декомпозиции его на субэтноты – возможность внутренней делимости этноса важна для понимания аналогичного устройства нации.

Если начать говорить о нации, то вопрос о ее сущности и происхождении всегда считался столь же важным. Уже известная нам примордиалистская школа изучения этноса обращалась и к понятию нации: «Органический национализм считает, что мир состоит из естественных наций и всегда был таким, что нации – это основа истории и основные участники исторической драмы, что нации и их характеры – это организмы, которые легко можно обнаружить вследствие их культурной специфики [...]»²⁶. Нация в этом контексте выступает выражением политической воли этноса, логическим развитием глубинной этнической характеристики в поле политического действия. При этом не следует путать «нацию» с «национальностью», являющейся скорее официально зарегистрированной и признаваемой государством этнической принадлежностью человека. В.А.

²⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: 1995. – с. 83

²⁵ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: «Медиум», 2004. – с. 91

²⁶ Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – с. 270

Тишков отмечает, что «понятие “национальности” в смысле этнической, а не гражданской принадлежности вьелось довольно глубоко»²⁷.

У истоков примордиальной модели изучения нации стоял Э. Ренан, прочитавший в Сорбонне в 1882 году знаменитую лекцию «Что такое нация?». «Последовательно перебирая расу, религию, язык, общность интересов, географию, историк показал, что ни один из этих признаков сам по себе не обеспечивает единство нации»²⁸. В основе нации, согласно Э. Ренану, лежит душа, проявляющаяся как в историческом наследии, так и в стремлении сохранить и преумножить это наследие. История предстаёт долгим героическим мифом, служащим сплочению нации, в которой нет места свободной воле индивидов²⁹. Такой подход достаточно близок примордиализму, хоть и не отсылает к этническим факторам, свидетельствующим об общем биологическом происхождении, вместо этого больше внимания уделяя политическому бытию с учётом того, что нация, безусловно, считается продуктом политического объединения, порождаемым государством (притом, не всяким). Кроме того, нацию и государство часто отождествляют, но такой подход представляется очевидно неверным при существовании такого понятия как «многонациональное государство». «Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни»³⁰.

Говоря о континентальной европейской традиции толкования феномена нации, крайне близкой к примордиализму, стоит также вспомнить И.-Г. Фихте. «Вот что такое народ в высшем значении слова, с точки зрения духовного мира вообще: совокупность людей, живущих вместе в обществе и непрерывно воспроизводящих себя из себя природно и духовно, находящаяся

²⁷ Тишков В.А. Готовы ли мы к переписи населения? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-10/8_ready.html (дата обращения: 24.05.2014).

²⁸ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – с. 18

²⁹ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. – Киев, 1902. – с.101

³⁰ Там же

в целом под действием определенного особенного закона развития божественного из нее»³¹. Здесь присутствует мотив изначального, кровного единства человеческого сообщества и некоторый мессианский смысл – присущее нации предназначение, определенное предначальным законом. Несмотря на использование в данном случае термина «народ», И.-Г. Фихте как мыслитель религиозного и политического характера не имел в виду биологический германский этнос – «народ» здесь скорее является некоей прото-нацией, должной постепенно сформироваться, в том числе, под воздействием его собственных текстов и выступлений. Немецкий экономист Ф. Лист считал нации «сообществами воли», которые потенциально способны создавать самостоятельные хозяйственные и политические целостности. Э.-Ж. Сийес по данному вопросу писал: «Что такое нация? Корпус членов, живущих под одним общим законом и представленных одним и тем же законодательством»³²

Примордиалистские теории, в целом, представляются нам достаточно ограниченными и политически ангажированными. Так, Э. Смит пишет, что, согласно положениям работы Э. Хобсбаума, «открытие народной традиции и ее превращение в “национальную традицию” какого-нибудь забытого историей крестьянского народа почти всегда было делом энтузиастов, принадлежавших к (иностранному) правящему классу или образованной элите»³³. В этом положении мы усматриваем серьезную критику примордиалистских теорий возникновения нации, не способных в своем развитии выйти за рамки подобной кем-то написанной с конкретными политическими целями «национальной традиции».

Существует ряд весьма широких определений, в той или иной степени не устраивающих нас своей многозначностью и отсутствием необходимых акцентов. Так, согласно социологическому словарю Г. Рейнгольда, нация это

³¹ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. – СПб: Наука, 2009. – с. 193

³² Кедури Э. Национализм. – СПб.: Алетейя, 2010 – с. 25

³³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 24.05.2014).

«большая группа людей, дефиницирующих себя через общий язык, происхождение, место проживания, религию, территориальные границы, этническую принадлежность и общие ценностные представления»³⁴. Словарь Г. Хартфиля определяет нацию как «сообщество людей, объединенных сознанием об общем политическом и культурном прошлом и волей к общей государственности»³⁵.

В советской научной традиции неизменно применялось определение нации через перечисление набора объективных признаков. Эти определения слегка варьировались, однако за различиями в нюансах в них не трудно было разглядеть оригинал – сталинскую дефиницию нации (как нового образования, продукта капитализма и индустриализации) из статьи «Марксизм и национальный вопрос»: «Итак, нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»³⁶. В противоположность широко распространенному представлению о том, что национальная идентичность имеет глубокие исторические корни, марксисты утверждали, что нации в своей основе являются современными образованиями. Или, как говорил И.В. Сталин: «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»³⁷. В контексте практической национальной политики И.В. Сталин отстаивал идею о том, что «национальные права нужно предоставлять только в том случае, если народ имел общий характер, язык, территорию, экономическую жизнь и психический склад»³⁸. Однако впоследствии советская политическая теория отошла от такой модернистской трактовки нации в пользу более

³⁴ Hg. G. Reinhold, S. Lamnek, H. Recker. Soziologie-Lexikon. – Muenchen Wien: R. Oldenburg Verlag 1992. – с. 416

³⁵ Woerterbuch der Soziologie / Begruefend von G. Hartfiel. Neugearbeitet von K-H. Hillmann. – 3-Aufl. Stuttgart, 1982. – с. 527

³⁶ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/2-19.php> (дата обращения: 24.05.2014).

³⁷ Там же

³⁸ Калхун К. Национализм. – М.: «Издательский дом “Территория будущего”», 2006. – с. 199

традиционных концепций. «Внимание было сконцентрировано на их примордиальных корнях»³⁹.

При внешней «научности» сталинское определение нации нельзя воспринимать серьезно. Категории общего языка, территории, экономической жизни никак не применимы ко многим общностям, которым никто не отказывает в «национальном» характере (расселенные по многим государствам евреи, курды, не имеющие единого языка швейцарцы и т.д.), не говоря уже о том, что «общность психологического склада» – крайне субъективная величина, принципиально непроверяемая и поддающаяся любым конъюнктурным трактовкам. Очевидно, что необходим другой набор критериев для объединения группы людей в нацию.

«Лексикон философских понятий П. Фулькье определяет нацию как «сообщество индивидов, родившихся в одной стране», а словарь А. Лаланда – как «совокупность индивидов, образующих государство»⁴⁰. В разговорном языке понятие «нация» порой неверно отождествляется с государством и почти верно – с «обществом», наделённым неким дополнительным смысловым слоем. «Под “нацией” имеют в виду некоторую устойчивую целостность, а не простую совокупность индивидов. От общества, взятого в этом смысле, ожидают единства»⁴¹.

К. Вердери развивает идею нации как единого фактора позитивной дискриминации, определяя ее как основной «оператор всеохватывающей системы социальной классификации», имеющий два аспекта – политический и символический (идеологический) порядок, с одной стороны, и мир социального взаимодействия и чувства – с другой»⁴². Запомним, что согласно

³⁹ Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» 2011. – с. 606

⁴⁰ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – с. 21

⁴¹ Там же, с. 20

⁴² Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – с. 297

такой версии политический и социокультурный факторы должны напрямую влиять на уровень сплоченности нации как социальной группы.

Теперь необходимо рассмотреть концепции нации, более тесно связанные с политической практикой ее организации как института. Согласно работам Э. Гидденса, нация является «общностью, существующей на чётко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируемая внутригосударственным аппаратом и аппаратами других государств»⁴³. Таково достаточно аккуратное определение, вообще не касающееся конструктивистско-примордиалистского дуализма, а затрагивающее исключительно политический аспект организации или самоорганизации общности на определённой территории – в некотором смысле, переходное звено от примордиализма к конструктивизму, опустившее менее критичный с точки зрения исследователя аспект генезиса нации. Кроме того, Дж. Бройи говорит о том, что «Люди стремятся быть членами общности, иметь твёрдое чувство различия между “нами” и “ними”, территории как родины, принадлежности к культурно определённым и ограниченным мирам, которые наполняют их жизни смыслом»⁴⁴. Здесь совмещаются иррациональная и рациональная версии происхождения нации: с одной стороны, людям присуще некое примордиальное, изначальное желание поддержания связи и единства с себе подобными, но с другой, эту связь и единство обеспечивает именно конструктивная деятельность и рациональный выбор общества или хотя бы наиболее активной его части.

Интересна и идея нации уже упоминавшегося нами М. Вебера. Для её существования недостаточно употреблявшихся в качестве критериев в иных концепциях этнической солидарности или наличия гражданства в определённом государстве. Применяя свою концепцию социального действия, М. Вебер утверждает, что нация консолидированно стремится к

⁴³ Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – с. 240

⁴⁴ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – с. 223

определённой единой цели, проявляя при этом особый тип поведения и совершая тем самым некоторое действие – рациональный выбор. Консолидирование нации не обязательно занимает долгое время, а общая цель нации лежит именно в сфере политики (впрочем, большинство потенциальных совместных действий крупной консолидированной группы населения в той или иной степени относятся к политической сфере).

В трактовке нации авторства М. Манна мы находим еще один небезынтесный аспект – изменчивость и социальная избирательность нации, дополняющая теории прочих исследователей о важности сознательного выбора и сознательной самоидентификации для интеграции субъекта в тело нации. «В результате внутри границ государства нация стала восприниматься как общность социального опыта, связывающего интенсивные и эмоциональные отношения внутри семейных, соседских, этнических структур с более экстенсивными и инструментальными силовыми структурами»⁴⁵. Таким образом, иногда в членстве в нации можно было отказывать, например, марксистам, подходящим по формальным этническим и гражданским критериям, но идеологически чуждым националистическому категориальному аппарату и не желающим самоотождествляться с подобными «нации» понятиями. Трактовка М. Манна несколько радикальна, но такой аспект также следует иметь в виду, формулируя собственное определение нации в конструктивистском ключе.

К. Хайес также разрабатывает конструктивистскую теорию этноса и нации: национальность «текуча и динамична»⁴⁶, способна изменяться под воздействием различных исторических событий и политических трансформаций, разработки доктрины выдающимися интеллектуалами, последующего её распространения инициативной группой и принятия широкими массами. «Национальное государство всегда основано на национальности, но национальность может существовать и без

⁴⁵ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999, с. 19

⁴⁶ Там же, с. 22

национального государства»⁴⁷. В то время, когда писалась работа К. Хайеса, понятие «этническая общность» еще не вошло в научный язык, но смысл термина «национальность» очень близок современному термину «этничность».

Другим исследователем-конструктивистом выступает Г. Кон, подытоживший в выпущенной в 1966 году работе «Национализм: его смысл и история» механизм возникновения национализма как общественно-политического явления и рассмотревший его корни. «Однако лишь с конца XVIII в. национализм в современном смысле слова стал повсеместно пробудившимся чувством, которое во все большей мере формирует общественную и частную жизнь. Идея, что у каждой нации должно быть свое собственное государство, охватывающее всю нацию, возникла сравнительно недавно»⁴⁸. Иницирующими это движение факторами выступают подъём третьего сословия, секуляризация сознания, отход от иерархического «Старого порядка» и переориентация культурной и общественной жизни на «массы». Именно такое общество способно по-другому воспринять патриотическое чувство и трансформировать его в чувство сопричастности интегрированному национальному сообществу. Для Г. Кона этнические различия, существовавшие в истории с давних времен, являются лишь «этнографическим материалом» для строительства наций. Нации – продукт живых сил истории, они всегда текучи, почему и ускользают от определения. Только недавно они стали центром политической и культурной жизни.

Г. Кон при этом, подобно многим другим исследователям, выделяет различия «между «волюнтаристским» типом национализма, который считает нацию свободным объединением разумных людей, состоящим из входящих в него по своей воле индивидов, и «органическим» типом, рассматривающим

⁴⁷ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999, с. 22

⁴⁸ Кон Г. Национализм: его смысл и история. [Электронный ресурс]. URL: <http://traditio.ru.org/holmogorov/library/k/kohn/1.htm> (дата обращения: 24.05.2014).

нацию как организм, обладающий неизменным и неизгладимым характером, которым его члены наделяются при рождении и от которого они никогда не смогут избавиться»⁴⁹. Первый тип, согласно утверждениям автора, характерен для англо-саксонского мира, а второй для националистических движений к востоку от Рейна. Как можно видеть, эта типология проистекает из деления на примордиальные и конструктивистские концепции рождения нации.

Согласно труду Л. Гринфельд «Национализм», ядро национального принципа может быть индивидуалистическим – «в существующей верховной власти отдельных личностей подразумевалась верховная власть народа»⁵⁰ – или коллективистским – в таком случае национальный принцип отражает коллективное существование. Таким образом, вновь проявляется внутренняя дихотомия этого термина, чуть иначе объясняемая, но равно уверенно заявленная также, например, Г. Коном. Нация первого типа служит выразителем совокупности коллективных свобод входящих в нее людей и не функционирует в отрыве от их волеизъявления, что естественным образом связано с определенным уровнем развития демократических институтов и достаточной степенью проникновения демократических традиций в политическую культуру нации. Другим типом выступает нация как самоцель и самостоятельный (в некотором смысле, единственный) субъект политического процесса, обладающий собственной волей, целями и средствами их достижения. В таком случае население относительно отстранено от принятия политических решений, которыми занимается узкая прослойка правящей элиты. «В первом случае национальность, в принципе, является открытой и добровольной, ее можно, а иногда и нужно получить. Во втором случае считается, что национальность есть нечто врожденное, приобрести ее нельзя, если у человека ее нет, и нельзя изменить, если она имеется, к личной воле она не имеет никакого отношения и является как бы

⁴⁹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005 – с. 269

⁵⁰ Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2012. – с. 15

генетической характеристикой»⁵¹. В нашем случае не так важно сравнение механизмов волеизъявления, как признание того, что под одним «зонтичным» термином могут пониматься совершенно различные на практике понятия, об определении которых неплохо было бы договариваться до начала любой публичной дискуссии.

Соответственно, критерии членства в первом случае могут быть как гражданскими, так и этническими. Здесь национальность теснее отождествляется с гражданством: именно в рамках такой концепции могут существовать «гражданские нации», большим сторонником которых является, к примеру, академик В.А. Тишков. Во втором случае нация соответствует «объективной» этнической характеристике и представляет собой этнонацию.

Б. Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества», считающейся важнейшим конструктивистским трудом, также рассматривает термин «нация» и пытается дать ему определение. Он говорит о парадоксе столкновения нации как относительно молодой исторической общности и существующего в голове националиста образа нации как древней мифологизированной сущности. Из этого вытекает его краткое и любопытное определение нации: «это воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁵². Воображённость нации связана с тем, что каждый член нации (равно как и член любого сообщества крупнее первобытной деревни) никогда не видел большинства других её членов. В то же время она является ограниченной (потому что ни одна нация не соразмеряет себя с человечеством) и суверенной. Б. Андерсон подытоживает своё определение, утверждая, что нация воображается как сообщество, «поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут

⁵¹ Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2012. – с. 15

⁵² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – с. 30

существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество».

Продолжая это идейное направление, Э. Геллнер выводит понятие нации из неперемного для ее функционирования факта присутствия общей культуры – «системы идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения»⁵³, а также обоюдного признания принадлежности к нации со своей стороны. «Нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей»⁵⁴. Тем самым вновь ликвидируется любая «древность» и «сакральность» нации, выступающей просто одним из способов организации социальной группы, не столь зависящей даже от конкретных этнобиологических свойств входящих в нее субъектов. Культура в данном случае становится инструментом вертикальной интеграции различных горизонтальных слоев общества, различающихся по возрасту, уровню достатка и, возможно, этносу.

При формировании широкого списка образующих нацию признаков отметим выделенные К. Калхуном критерии, знакомые нам по общепринятому определению государства: «границы территории, население или и то и другое; неделимость [...]; суверенитет или по крайней мере стремление к суверенитету [...]»⁵⁵, а также специфические национальные критерии, связанные с коллективной верностью некоторой сущности – «нации» – и самоотождествлением с ней: «участие народа в коллективных делах [...]; прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации и в этом смысле категориально эквивалентным другим членам»⁵⁶. Есть здесь и примордиалистские критерии: «глубина во времени [...]; общая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией»⁵⁷. При этом сам исследователь нивелирует возможную ассоциацию с примордиализмом, заявляя далее, что «На деле

⁵³ Геллнер Э. Нации и национализм – М.: Прогресс, 1991. – с. 35

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Калхун К. Национализм – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – с. 30

⁵⁶ Там же, с. 31

⁵⁷ Там же

только националистические идеологи склонны отстаивать “примордиалистские” позиции, утверждая, что нации существовали в более или менее близком к современному виде с начала истории»⁵⁸. Так проводится важная черта между объективным изучением нации и обладающим идеологической нагрузкой ее конструированием, между изучением ее с точки зрения политологической науки и прямой речью изнутри националистического или контрнационалистического лагеря.

Таковы основные положения более или менее окончательно оформившегося к тому времени конструктивизма: между этносами существуют определённые биологические, лингвистические и прочие различия, но все они являются лишь фундаментом для строительства нации – весьма комплексного процесса формирования национального мифа и интеграции его в идеологический и образовательный мейнстрим. Заметим, что о важности мифа и об укоренённости государства в мифе, о «конститутивном значении мифа для столь необходимого в государстве ощущения общности граждан»⁵⁹ говорил ещё Аристотель.

Наконец, рассмотрим более широкую гипотезу, которая подобно дуалистической теории этноса пытается обозначить «объективный» общий знаменатель в иных концепциях происхождения нации самого разного спектра. Э. Хобсбаум в работе «Нации и национализм» упоминает о различных предпринимавшихся ранее попытках установления объективных критериев «статуса нации»: «они опирались либо на один критерий, например, язык или этническую принадлежность, либо на совокупность таких критериев, как язык, общая территория, общая история, культурные характеристики и т. п.»⁶⁰ Однако в любом проявлении каждого такого правила могут встречаться исключения, да и сами критерии достаточно зыбки, относительноны и субъективны сами по себе. Подобные конструкции

⁵⁸ Калхун К. Национализм – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – с. 76

⁵⁹ Хьюбнер К. Нация. – М.: Канон+, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/22_h/ub/ner_00.htm (дата обращения: 24.05.2014).

⁶⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 24.05.2014).

могут быть удобны в пропагандистских целях, но им не хватает стройности и научности. В то же время исключительно субъективное определение нации, будь то через самосознающий себя нацией коллектив или произвольный выбор совокупности личностей, также критикуется Э. Хобсбаумом. В частности, открыто называется ошибочным представление, «будто для создания или воссоздания нации не требуется ничего, кроме простой воли»⁶¹. Субъективные и объективные определения нации равно признаются несовершенными и уводящими от сути.

В некотором роде, Э. Хобсбаум вначале и сам не решается предложить теорию, способную всесторонне описать генезис нации и предложить нечто новое, вместо этого начиная с максимально широкой и открытой любым допущениям гипотезы, согласно которой «всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как “нацию”, будет рассматриваться в этом качестве и нами»⁶². Согласно ходу его мысли, обыкновенно термин «нация» употреблялся в политическом контексте, а порой становился точкой соединения «народа» и «государства». Однако ни о какой достоверности такого заявления пока не идёт речи. Впоследствии выделяются только три критерия существования нации: историческая связь народа с государством, существование культурной элиты с письменным национальным языком и способность к завоеваниям.

Кроме того, Э. Хобсбаум всё-таки работает в русле конструктивизма, утверждая, что подчёркивает роль искусственного конструирования, изобретения и социальной инженерии в процессе формирования наций, а сами нации обусловлены определённым и относительно недавним этапом исторического и социального развития.

Изучив различные концепции понятия нации, мы можем вывести свое определение – будем исходить из ограниченности примордиалистских концепций, не обращающих внимания на объективно существующие, в

⁶¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 24.05.2014).

⁶² Там же

нашем представлении, современные или достоверно зафиксированные в недавнем прошлом процессы становления нации (приведем примеры американской или украинской наций). Вместо этого мы обратимся, главным образом, к научной школе конструктивизма (используя трактовки К. Вердери, М. Манна, К. Хайеса и Л. Гринфельд), а, кроме того, будем опираться на ранее составленное нами определение этноса.

Нацию, таким образом, можно определить как образуемое на этнической основе динамическое сообщество, объединяемое и определяемое политическими и символическими результатами рационального выбора.

В следующих параграфах мы рассмотрим, в том числе, возможные способы совершения этого выбора, осуществляемого посредством различных институтов (как юридически оформленного, так и неформального характера). Данный подход к понятию нации позволит нам полнее раскрыть тему настоящей работы и отследить изменяющиеся практически в реальном времени институциональные аспекты регулирования межнациональных отношений в современной Российской Федерации.

Таким образом, были рассмотрены несколько основных научных школ, связанных с вопросами этноса и нации: эволюционизм и крайне тесно связанный с ним примордиализм, а также противостоящий им конструктивизм.

При этом можно говорить о постепенно происходившем усложнении содержимого данных понятий в работах теоретиков (так, первоначальные исследования нации игнорировали процесс её конструирования, несмотря на то, что уже в то время существовали живые примеры этого процесса). Это позволяет отложить незрелые примордиалистские концепции (определяющие этнос и нацию как изначально представленные сущности, определяемые общностью языка, культуры и иных факторов) и выводить собственные определения данных терминов, опираясь, в первую очередь, на конструктивистские теории, рассматривающие данный вопрос более широко

и непредвзято, а во главу ставящие вопросы манифестации нации как продукта сознательной деятельности входящих в нее индивидов.

Мы считаем необходимым согласиться с доводами конструктивистской школы, отведя этносу место сообщества, объединяемое воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями, а нации – место динамического сообщества, объединяемого и определяемого политическими и символическими результатами рационального выбора.

§2. Политический институт как категория анализа

Бесспорно, практически любому многонациональному государству пошло бы на пользу углубление и развитие изучения принципов управления многоэтническим обществом и связанным с ним государственным аппаратом, а также увеличение способности по формированию ситуационно необходимых политических и социальных структур в этнически неоднородной среде. С этим можно соглашаться, даже разделяя теорию некоторых исследователей (включая академика В.А. Тишкова), согласно которой такие естественно складывающиеся во многих случаях многоэтнические общества являются единственно допустимым способом организации межэтнического и межнационального взаимодействия в глобальных масштабах. «Одним из основополагающих принципов здесь является сам факт признания культурного разнообразия современных политических образований и невозможность совпадения этнокультурных и государственно-административных границ»⁶³.

Признав это, мы должны признать и крайнюю актуальность изучения механизмов функционирования многоэтнических сообществ и многонациональных государств. В ходе этого изучения недостаточно было бы ограничиться историей развития соответствующих исполнительных и законосовещательных органов и экспертных сообществ, определяющих курс национальной политики государства, как недостаточно было бы лишь рассмотреть основные причины межэтнических конфликтов с точки зрения социологии или конфликтологии. Используя доступный нам аппарат институционального подхода, можно добиться более широкого охвата.

Рассмотрим различные взгляды на понятие политического института и некоторые внутренние течения в рамках общего институционального подхода.

⁶³ Тишков В.А. После многонациональности. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/tishh.html> (дата обращения: 24.05.2014).

В политологии и социологии существуют ряд общепринятых определений понятия «института», например: «В праве – группа норм какой-либо отрасли права, регулирующих определенные общественные отношения. В широком смысле – элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни – совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения: экономический институт (например, заработная плата), политический институт (государство, партии), воспитательный институт и другие»⁶⁴, «общественное установление, распорядок, узаконенный какими-нибудь нормами»⁶⁵, «закрепленные и зафиксированные документально юридически или морально нормы организации политической жизни и функционирующие на этой основе разнообразные организации, учреждения, службы политики, а также устойчивые традиции, принципы и правила политического поведения, которые характеризуют качество политической системы общества»⁶⁶. Эти определения базируются на истории развития самого понятия «института» в контексте социально-политических наук, которое имело место в XVII–XX веках.

Хронологически первый подход к рассмотрению института ограничивал его узкой политической составляющей, что было во многом обусловлено отсутствием разработанной социологической (а также политологической) методологии и соответствующего категориального аппарата. Основным содержанием такого понятия института являются объективные административные установления и правовые нормы. Основы данного подхода были заложены Т. Гоббсом в его труде «Левиафан». Согласно основным положениям «Левиафана», носителем суверенитета и единственным субъектом управления в обществе является целостный

⁶⁴ Современная энциклопедия, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19790> (дата обращения: 24.05.2014).

⁶⁵ Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/824582> (дата обращения: 24.05.2014).

⁶⁶ Политология. Словарь. – РГУ. В.Н. Коновалов. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1182/Институт> (дата обращения: 24.05.2014).

государственный аппарат. «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁶⁷. Такой подход, вероятно, относительно точно соответствует практике более ранних исторических эпох, характеризовавшихся неразвитостью институтов гражданского общества и значительной концентрацией политической власти в руках немногих субъектов политического процесса – членов государственного аппарата. Однако даже в рамках такого архаичного подхода мы находим недостаточно точным стремление представить государство монолитным политическим субъектом с консолидированной точкой зрения и единым ясным курсом – данному образу, как правило, не находится подтверждения на практике. Верному пониманию феномена института нередко препятствует и распространенный в обществе, аналогично связанный с трудами Т. Гоббса взгляд на государство «как на целостный и синхронизированный публично-легитимный механизм регулирования социума, вырабатывающий и осуществляющий рационально обоснованные принципы и интегральные цели общества»⁶⁸. При подобном подходе совершенно исчезает из виду весь пласт происходящих внутри этого механизма интеракций различных входящих в него сущностей (аппаратная борьба ведомств или внутриведомственная борьба, столкновение множества негласных политических договоренностей и проч.), служащих внутренними стимулами для возможного реформирования самого механизма государства или переопределение намеченного им курса для общества. Отметим, что оперировавшая сходными понятиями политическая наука еще в начале XX века занималась преимущественно вопросами изучения нюансов функционирования государственного аппарата, его официальных органов и гласно проводимой политики. «Поэтому ранний этап становления

⁶⁷ Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – с. 119

⁶⁸ Дегтярев А. А. Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – с. 20

современной политической науки с полным основанием определяется как институциональный»⁶⁹.

В дальнейших параграфах мы как раз рассматриваем разнонаправленные тенденции по регулированию межнациональных процессов, существующие в рамках одного государственного аппарата и связанного с ним экспертного сообщества.

В рамках предыдущего подхода институциональным содержанием наделялись лишь те механизмы регулирования, которые, так или иначе, напрямую связаны с действиями суверенного государства. Впоследствии он был дополнен социологическим подходом, связанным с работами М. Вебера и Э. Дюркгейма. Здесь институциональным содержанием наделяются не только объективно существующие политические институты, но и их идеальный образ, воплощенный в народных представлениях и политической мифологии. Вебер определял «государство как “чистый” институт – это сообщество людей, поведение которых основано на рациональных установлениях (нормах конституции, законах и т.д.)»⁷⁰, а также полагал, что легитимность политических установок обеспечивается не только правом, но и принятыми в обществе обычаями, не закрепленными юридически неформальными практиками, которые мы впоследствии охарактеризуем как институциональные практики. Эмиль Дюркгейм, в свою очередь, определял институты как «некое идеальное образование в виде обычаев и верований»⁷¹. Такой подход гораздо ближе логике нашего исследования, потому что нельзя не учитывать объективно существующие практики при рассмотрении и без того недостаточно определенных и устоявшихся процессов регулирования межнациональных отношений, которым посвящен целый ряд

⁶⁹ Патрушев С.В. Институционализм в политической науке; этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. Зарубежная политология в XX столетии. 2001. №2. – с. 147

⁷⁰ Мельвиль А.Ю. [и др.]. Политология: учеб. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – с. 237

⁷¹ Там же

разнонаправленных теоретических документов и уделено немало внимания экспертов с порой диаметрально противоположными оценками.

Кроме того, так из виду пропадает крайне важное конструктивистское начало, отвечающее за трансформацию государственных институтов и связанных с ними сущностей (например, институтов гражданского общества, косвенно сильно зависящих от конфигурации государственного устройства и методов осуществления им своей политики – политического режима). В результирующем статичном образе остается только следствие – по мнению внешнего, в особенности, непрофессионального наблюдателя, относительно единый и рационально действующий организм, стремящийся к достижению самоустановленных целей. При этом за скобки выносятся межинституциональные социальные связи, создавшие само пространство, в котором государственный аппарат способен действовать и из которого он берет свои цели – институциональная среда (так, демократическое государство западного образца было бы немыслимо, например, в условиях ультраконсервативного религиозного общества).

Третий подход, представленный Д. Нортом, в первую очередь, касается аспекта, который также будет отражен в нашем определении института – формирования институтами всеобъемлющего свода ограничений, структурирующих разумную деятельность общества⁷². Ограничения эти базируются на уже обозначенных в рамках социологического подхода формальных и неформальных практиках, договоренностях и обычаях. При этом крупные институциональные перемены не могут происходить легко и быстро, т.к. по природе своей оказываются тесно связаны с массовыми представлениями о предмете и формируются в течение немалого времени или, по крайней мере, в ходе существенных социальных потрясений.

Таким образом, по Д. Норту институты вместо «организаций» предстают «правилами игры», указывающими членам общества или

⁷² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – с. 18

государства на допустимые и недопустимые варианты взаимодействия. Отметим крайнюю важность этого аспекта в контексте темы нашей работы: сам ход развития столь требующей существенного концептуального обоснования темы, как межнациональные отношения в рамках многонационального государства, неизбежно опирается на уже установившиеся в ходе исторического процесса конвенции. Традиции и привычки членов общества при этом могут различаться и сталкиваться, порождая новые поводы приведения политической практики и официального концептуального обоснования к обоснованному институциональными факторами реальному положению дел (или изменения этих факторов для соответствия новой парадигме, существующей вначале лишь на бумаге).

Необходимо также затронуть и понятие политического процесса, определяемое обычно как совокупность динамических изменений в отношениях субъектов. Само по себе понятие несколько шире, но мы будем рассматривать именно процессы, происходящие между институтами и разворачивающиеся в определенной институциональной среде. В целом, в близкое логике нашего исследования понятие политического процесса входят как действия, обусловленные рациональным выбором со стороны тех или иных институтов, так и более непредсказуемые результаты неких действий в условиях данной институциональной конфигурации, сами по себе выливающиеся в процессы того или иного рода. При этом основными объектами и субъектами (актерами) подобных политических процессов могут быть государство, гражданское общество, нация или партии, прочие социальные группы.

Подобное толкование политического процесса совместимо с изучением институциональной среды и соглашений, т.к. подразумевает не только юридически оформленные легальные процессы, связанные с принятием тех или иных нормативно-правовых актов, но и результаты внутреннего взаимодействия негласных институциональных соглашений, сопряжение их с текущими историческими событиями и любые итоговые проявления

напряженности и конфликта. Так, в нашем случае сюда могут быть также отнесены деятельность любых влиятельных нелегальных политических партий или группировок, общественных организаций. Все это бесконечное многообразие факторов, сочетание исторически обусловленных моментов с текущими совокупными действиями множества индивидов крайне трудно структурировать и спрогнозировать, поэтому политический процесс зачастую носит спонтанный и непредсказуемый характер, что в некоторых случаях затрудняет применение методов прогнозирования и экстраполяции.

Существует ряд типологий политических процессов, которые необходимо обозначить.

Выделяются внутригосударственные и межгосударственные политические процессы: они различаются субъектами и объектами, методами функционирования, особенностями конструирования правового поля. По понятным причинам в данной работе мы будем иметь дело с внутригосударственными политическими процессами. При этом нация в условиях национального государства была бы во многом тождественна всему множеству граждан государства – поэтому межнациональные отношения зачастую заранее воспринимаются как непременно межгосударственные.

Кроме того, существуют явные и скрытые политические процессы. Явные основываются на публичной сфере: нормативно-правовых актах и риторике формирующих политический курс субъектов государственной политики. Скрытые при этом приводятся в движение не имеющими должного юридического оформления политическими институтами или социальными группами, взаимодействиями составных частей гражданского общества более низкого уровня и, зачастую, небольшого масштаба. Заметим, что во многих случаях скрытые политические процессы имеют тенденцию к переходу в «явную» стадию: сепаратистские стремления выливаются в формирование параллельной системы управления и, порой, создание нового государства; нелегальные партии при изменении политической обстановки в стране могут выйти на передний план (например, «Хамас» обладает

относительно полноценной и легальной политической субъектностью, несмотря на то, что является крайне широко признанной террористической организацией). В рамках нашего исследования представляют интерес оба – особенно отметим второй тип, ясно укладывающийся, например, в концепцию институциональных практик – неформальных взаимодействий не представленных в правовом поле институтов и общественных организаций.

Наконец, выделяются открытые и закрытые политические процессы. Фактором здесь служит ясность возможной оценки политического процесса по шкале «желательное\нежелательное»: закрытые здесь способны быть оценены однозначно, открытые допускают множественные трактовки. Интересным моментом являются разные сферы применения данных типов: с точки зрения субъектов принятия решений (индивидов и, возможно, социальных групп) тот или иной политический процесс вполне может иметь закрытую характеристику – совершаемый рациональный выбор сделан на основе внутренней рефлексии или публичной дискуссии, неподходящие варианты отброшены, и тема во многом «закрыта». При этом, если пытаться рассматривать ситуацию объективно, с точки зрения внешнего наблюдателя и исследователя, крайне сложно найти процесс, который был бы несомненно положителен или отрицателен.

Несмотря на кажущееся многообразие возможных трактовок, семантическое ядро понятия, переходящее из определения в определение, меняется незначительно и, в целом, сводится к обозначению некой системы социальных рамок и правил взаимодействия, очерчивающих контуры общественных (и политических, в случае приложения понятия к политической системе) интеракций, означающих «внутреннее» и «наружное» по отношению к этим рамкам. Именно вокруг этой сущности стали формироваться новые определения институтов, представленные в XX веке.

Так называемый «старый» институционализм долгое время являлся магистральной методологической традицией в соответствующей научной сфере англо-саксонского мира. Эта научная школа концентрировалась на

изучении формальных политических институтов, оформленных в правовом поле, и была представлена, в том числе, работами В. Вильсона, Дж. Брюса, Т. Коула, Г. Картер, К. Фридриха. Она позволила сформировать определенный корпус понятий и категорий, уточнить различные аспекты институтов, в целом очерченные тремя вышеозначенными подходами.

Так, Дж. Коммонс в ходе изучения институциональных процессов выделял три вида или уровня власти: физическую власть, «власть насилия, на которой основывается наделение сувереном подданных особыми привилегиями»; экономическую власть, возникающую после того, как «физическая власть начинает регулироваться должными правовыми процедурами» и моральную власть – «власть личного влияния, не поддерживаемого насилием или экономической властью»⁷³. Дж. Гэлбрейт иллюстрирует мысль о неоднородности государства и общества по-своему: «планирующая система в своем воздействии на государство опирается на свои возможности для оказания влияния на общественное мнение, на свою способность убеждать законодателей, а также общественность в том, что ее требования совпадают со здоровой государственной политикой. Однако члены законодательных органов подвержены и противоположному воздействию, а люди, которые их избрали, находятся под влиянием условий, которые несовместимы с тем, в чем пытается их убедить планирующая система»⁷⁴. Р. Хейлбронер по сходному поводу утверждает, что на прогнозы и ожидания человеческого сообщества в конкретной ситуации влияют сущности различного порядка, как то «гибкость социальных классов, нестигаемость социально-экономических порядков, поведение национальных государств и, в конце концов, человеческая «природа»⁷⁵, а для устранения проблем окружающей среды порой требуется вмешательство сильного государства. Д. Эренфельд также предполагал, что в ходе разрешения некоторых

⁷³ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. – М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2011. – с. 77

⁷⁴ Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1979. – с. 310

⁷⁵ Heilbroner, Robert L. An Inquiry into the Human Prospect: Looked at Again for the 1990s. New York: W. W. Norton & Company. – p. 22

общественных диспутов (например, вопросов защиты общей собственности) «требуется внешнее регулирование со стороны государственных ведомств, правительства или международных организаций»⁷⁶. Таким образом, исследователи, работавшие в рамках условной научной школы «старого» институционализма, преимущественно рассматривали институты как организации и объясняли с помощью этой категории некоторые проблемные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества, влияние их друг на друга, вопросы взаимного регулирования деятельности. Этот вопрос также находится в рамках интересующей нас в данной работе темы, поэтому вклад теоретиков «старого» институционализма весьма важен.

Впоследствии, однако, этот подход сменился так называемым неоинституционализмом. Главной предпосылкой к этому стала опубликованная в 1984 году статья Дж. Марча и Дж. Ольсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни». Идея нового институционализма возникла из желания разрешения накопившихся внутренних противоречий институционализма старого и разделялась на множество не вполне сочетающихся (а порой и прямо противоречащих друг другу) концепций нового порядка. «Новый институционализм является основанным на эмпирически постижимом материале предположением, утверждением, согласно которому наблюдаемое нами в мире не соответствует тому, что предлагают современные теории»⁷⁷. Также представляется возможным упомянуть таких экспертов, работавших в русле неоинституционализма, как Л. Закер, Дж. Майер и Б. Ройан.

Новый институционализм, в отличие от «старого», трактует понятие политического института несколько шире и использует иные подходы. Именно ход мысли неоинституционалистов позволяет рассмотреть интересующие нас концепции институциональной среды, соглашений и практики, во многом, связанные с юридически неоформленными

⁷⁶ Ehrenfeld David W. *Conserving life on Earth*. Oxford: 1970. – p. 322

⁷⁷ March, James G. and Olsen, Johan P. *The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life* // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78, No. 3. – p. 747

политическими институтами, а также акторами, связанными с гражданским обществом.

Кроме того, произошла постепенная популяризация институционального подхода не только в экономической, но и в политической науке – обращение более пристального внимания на сопряжение институциональных характеристик и свойств с политической практикой. Особенно перспективным по целому ряду факторов представляется применение институционального подхода в деле изучения национальной политики многонациональных государств. Здесь переплетаются необходимость исследования института нации в комплексе со многими прочими институтами (партийным аппаратом, системой региональной власти и местного самоуправления), общая терминологическая запутанность категорий нации, национальности и этноса, крайняя актуальность изучения этой темы в условиях существующего во многих многонациональных государствах кризиса и этнических столкновений, а также прочие немаловажные факторы.

Эксперты выделяют несколько основных течений в рамках неоинституционализма: «исторический, рационального выбора и социологический, а также дескриптивный, сравнительной, организационный»⁷⁸.

Рассмотрим исторический и социологический виды институционализма. Для приверженцев первого типа наиболее важна история развития и трансформация различных аспектов, свойств и функций того или иного института, способов отношения его с прочими сущностями (например, отношения государства и общества) и прочие изменения в ходе истории. Основное место может уделяться анализу инициируемого государством политического процесса, его потенциальных возможностей в политическом поле, отношениям государства и общества или глубинному

⁷⁸ Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология. 2011. №4. – с. 143

исследованию базовых ценностей и идей, лежащих в основе института.⁷⁹ Основная проблема использования методологии исторического институционализма для нас связана с расстановкой акцентов: несмотря на достаточно полный охват институтов, не ограничивающийся исключительно государственными органами и включающий в себя связи и отношения между государством и обществом в разных его срезам, куда меньшего внимания удостоивается конструктивистский аспект отношений между институтами, касающийся динамического развития этих отношений в исторической перспективе.

Для сторонников второго (социологического) подхода важнее оказывается значительно более близкое нашей логике изучения нации осмысление многочисленных взаимодействий индивидов в ходе их общего социального взаимодействия, происходящего в рамках структуры общества и вложенных в него сущностей. «Для социологического институционализма [...] индивид живет в мире институтов, под которыми понимаются социальные нормы, роли, идентичности и т.д.»⁸⁰.

Происходящие процессы регулируются институциональными нормами и соглашениями, общественными договорами, также возникшими вследствие этих взаимодействий. Все эти связи формируют некий каркас общего институционального консенсуса в обществе, основанный, в первую очередь, на категории целесообразности. Конфигурации и характер этих институтов определяются проявлением совокупной воли членов общества (или одной из его подсистем – например, нации), выраженной некоторым образом. В рамках этого подхода подразумеваются соответствующие «логике целесообразности» социальные отношения успешно институционализированных групп, находящиеся в равновесном состоянии

⁷⁹ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – с. 93

⁸⁰ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/2institutSIONalizm_i_politicheskaya_transformatsiya_rossii.doc (дата обращения: 24.05.2014).

благодаря опоре на сформированные в ходе этой институционализации нормы и соглашения. В этом положении есть значительное конструктивистское начало.

Подход исторического институционализма, таким образом, выступает как бы одним из аспектов институционализма социального. Те институты, которые можно было бы изучать в рамках первого подхода, раскрывают истоки своего происхождения (являясь объектами влияния прочих институтов и норм), а также сферу собственного влияния (являясь субъектами этого влияния). Таким образом, считаем необходимым в настоящей работе придерживаться данного подхода.

Существует еще одно немаловажное разделение, позволяющее ликвидировать возможную путаницу. Для нашего исследования важно отличать исследование собственно политических институтов с предметной точки зрения от исследования в рамках институционального подхода с применением институциональной методологии, далеко не всегда занимающегося реальными политическими институтами в строгом смысле этого слова. В то же время следует не забывать о том, что согласно Э. Остром «институты редко являются чисто государственными или чисто частными, “рынком” или “государством”»⁸¹.

Современный институционализм оперирует несколькими ключевыми понятиями. Среди них: институциональная среда, институциональное соглашение и институциональная практика.

Первое обозначает набор «действующих правил» и формальных или неформальных санкций, формирующих существующие де-факто и, возможно, де-юре рамки потенциального социального взаимодействия между людьми в тех или иных конфигурациях. «Правила чаще всего действуют не на поведение индивидов, а на структурирование ситуации, системно

⁸¹ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – с. 45

формируют институциональную среду»⁸². Именно этими свойствами можно охарактеризовать феномен нации – она налагает определенные ограничения и подсказывает некоторые способы взаимодействия, при этом не имея чёткого физического выражения в рамках реально существующих институтов политической системы. При этом государственные органы республики, образованной по принципу национального самоопределения, все же представляют собой сущность несколько иного порядка, хотя в теории именно они и должны являться рычагом воздействия нации на политику своего государства). Отметим, что данные правила являются объективной конструкцией, созданной человеком, что соответствует рассмотренной нами ранее модернистской конструктивистской парадигме, предполагающей текучесть и изменчивость конфигурации наций.

Второе понятие обозначает некое политическое образование, организующееся из совокупной воли индивидов и продиктованного ими установления ограничений. Конструктивистская составляющая по-прежнему сильна и позволяет провести параллели между понятием «институционального соглашения» и нацией в современной конструктивистской трактовке. Здесь представляется верным вспомнить теорию Д. Норты, согласно которой подобная категория соглашения и является определяющей для понятия института в целом.

Наконец, третье понятие опирается на предыдущие два и служит определением способа реализации институциональных соглашений в связанной с ними институциональной среде, как бы являясь одновременно процессом и пространством действия. Оно также укладывается в теорию Д. Норты, которой мы и будем преимущественно пользоваться в дальнейшем при рассмотрении конкретных институтов и сопутствующих им среды, соглашений и практики. Пользуясь такой методологией, можно обратиться, к примеру, к рассмотрению нации как живого, изменчивого «института»,

⁸² Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – с. 121

созданного, согласно конструктивистской теории, путём своего рода общественного договора.

С функционированием социальных институтов также связана крайне близкая для нашей конструктивистской логики изучения феномена нации категория рационального выбора, которая может быть определена как «анализ выбора, сделанного рациональными акторами в условиях взаимозависимости»⁸³. Один из близких нам подходов к объяснению возникновения и функционирования государственной власти также усматривает ее истоки в необходимости формирования общей повестки дня на основании общности интересов, целей и ценностей. «Так, если они проживают на общей территории, у них возникает потребность в создании законов, на основе которых можно было бы решать противоречия, возникающие в вопросах, связанных с собственностью и другими правами личности, а также в действенном усилении этих законов»⁸⁴.

Важным фактором в рамках этой теории представляются обозначенные институциональной конфигурацией правила и рамки, служащие внешними ограничениями для совершающих различные рациональные выборы акторов. Данные ограничения приводят к наступающему со временем равновесию в рамках каждого института и системы в целом. Практической пользой изучения этих глубоко теоретических концепций является возможное прояснение механизма поиска и активации уравнивающих механизмов и способствование их внедрению в социально-политические процессы. Именно в рамках, определенных неким предполитическим рациональным выбором социальных групп, происходит политический выбор институционализированных сущностей, государственных органов и участников гражданского общества. Этот выбор не находится полностью под

⁸³ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/2institutSIONalizm_i_politicheskaya_transformatsiya_rossii.doc (дата обращения: 24.05.2014).

⁸⁴ Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука. Новые направления. – М.: Вече, 1999. – с. 149

контролем действующих институтов государства и общества: потенциал совокупного действия индивидуальных акторов жестко определен сложившейся конструкцией институциональных рамок и ограничений. «Институционалисты рационального выбора [...], напротив, полагают, что институты представляют собой “правила игры”, которые создают рациональные индивиды, чтобы облегчить взаимодействие друг с другом. В отличие от структурного, социетальный институционализм акцентирует внимание не только на формальных, но и на неформальных институтах»⁸⁵.

В целом, сама теория рационального выбора была необходима для компенсации недостатков прочих подходов к вопросам институционализма и формирования целостной концепции, в рамках которой человек (или сообщество) выступал бы независимым, активным политическим актором, наделенным собственными рациональными целями и стремлениями. Такая теория позволила бы исследователям глубже изучить общий характер того или иного сообщества, набор его ценностных установок. Сформирована она, как и прочие связанные со школой институционализма теории, во многом, учеными-экономистами: отметим вклад Э. Даунса, Г. Симона, Д. Блэка и прочих. Для применения данной теории в нашей работе необходимо будет сравнить некоторые аспекты субъекта рационального выбора и рассматриваемых нами субъектов (этноса и нации).

Сторонники существующей теории рационального выбора ставят в ее основу следующие ключевые положения. Во-первых, либеральная экономическая традиция, из которой вышла теория рационального выбора, диктует примат индивида по отношению к более крупным социальным и политическим структурам. Именно индивид наделяется субъектностью и именно он выступает инициатором тех или иных изменений в рамках той среды, в которой находится. Соответственно, существующие социальные

⁸⁵ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/2institutstionalizm_i_politicheskaya_transformatsiya_rossii.doc (дата обращения: 24.05.2014).

структуры более высокого порядка (например, гражданское общество) предстают скоплением индивидов и именно из-за этой логики приоритетные общественные интересы могут быть выражены суммой интересов частных. Не желая полностью противоречить этому тезису, скажем, однако, что в рамках нашего исследования полагается допустимым применение более крупных категорий (государство, гражданское общество, нация, этнос и проч.) без детального исследования истока этих сообществ.

Во-вторых, исходя из тех же экономических законов, индивид фундаментально эгоистичен – в первую очередь, он желает увеличить собственную выгоду. Категория рационального выбора в контексте общественных масс, однако, не теряет своей актуальности: сравним, например, возникшее после распада Советского Союза стремление к национальному самоопределению и обустройству ряда бывших советских республик с идейно близким ему желанием условного индивида найти более выгодное в долгосрочной перспективе предложение (будь то вакансия, новое место жительства или иной фактор коммерческого характера). Значительная общественная поддержка этих политических реформ говорит нам о том, что общество не всегда ведет себя инерционно и вполне способно на серьезные решения. Однако при перенесении законов развития индивида на сообщество нельзя забывать о резко возрастающей сложности принятия решений и серьезном воздействии противоречивого идеологического поля, а также институциональной среды, означающей рамки допустимого, на принятие решений. Все это приводит к тому, что социальная группа (например, нация) может выбрать не самое логически или экономически обоснованное решение. При экстраполяции экономического закона на большую социальную группу происходит его усложнение, ведущее к выходу из области чистой экономики в политико-социальную сферу.

В-третьих, теория рационального выбора заставляет проводить приоритезацию своего поведения, располагая возможные варианты действий в соответствии с получаемой в том или ином случае максимальной выгодой.

Разумеется, в контексте единого условно максимально разумного индивида получается стройная очередность вариантов, ведущих к минимизации затрат. Однако в нашем случае ограничителем вновь служат институциональные соглашения и практики.

В-четвертых, теория рационального выбора предусматривает взаимосвязь выборов людей, тем самым уже самостоятельно смыкаясь с нашей сферой исследования, касающейся социальных групп разного рода. Утверждается необходимость изучения влияния рационального выбора людей на существующие институциональные конвенции, а также обратного влияния. Благодаря тому, что сама институциональная среда формируется, в первую очередь, именно под воздействием совокупных представлений больших сообществ, они с относительной легкостью могут ее модифицировать в ходе осуществления своей деятельности.

Основные недостатки экономического происхождения теории рационального выбора как раз и заключались в недостаточной увлеченности факторами социально-политического, исторического и культурного характера, крайне важных для рассмотрения взаимодействий институтов в рамках сложившейся институциональной общественной структуры или изменения самой структуры под воздействием исторического процесса. В нашем «социальном» разрезе теория рационального выбора легче справляется с учетом влияющих на результат выбора концепций общественно-политического характера, формирующих институциональную среду и примешивающей к сухим рассудочным приоритетам экономического и политического развития целый ряд представлений о пределах допустимого и предпочтительного.

Важно понимать при этом, что согласно сути институциональной практики конструкция и модификация существующей институциональной системы является не самым легким делом. «Эволюция общества зависит от

однажды избранной институциональной траектории»⁸⁶. Переход на новые принципы функционирования государства и общества требует вложений времени, политического и экономического капитала, в то время как существующая институциональная система уже не требует значительных затрат на поддержание статус-кво, исключая те случаи, когда изменившаяся внешняя по отношению к политической системе обстановка принуждает к радикальным и значительным переменам этой системы. Таким образом, помимо стремления к установлению равновесия, институциональная система сама по себе всегда стремится к стабилизации и консервации. Естественным образом сложившаяся система не всегда будет состоять из непротиворечащих друг другу или максимально подходящих к конкретной ситуации институтов. Все эти факторы стабилизируют сложившуюся институциональную систему независимо от степени ее эффективности в целом и эффективности отдельных входящих в нее институтов в частности. «При этом формальные и неформальные правила должны соответствовать друг другу, а значит, должны соответствовать друг другу и их изменения (принцип “конгруэнтности институтов”»⁸⁷.

При вполне возможном в ходе трансформации институциональной системы наступлении состояния институциональной неопределенности именно неформальные институциональные практики будут играть основную роль. При этом само инициирование неопределенности способно сыграть роль сильного импульса, смещающего акценты и силу тех или иных практик в уже обозначенную существующими на тот момент тенденциями сторону. В рассматриваемом нами аспекте институциональная неопределенность может обострить обозначившиеся до того в институциональной среде конфликтные тенденции, которые способны выйти на новый виток при деактивации сдерживающего их на концептуальном и физическом уровне аппарата. Эта

⁸⁶ Капелюшников Р.И. Неоинституционализм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/neoinstitutionalism> (дата обращения: 24.05.2014).

⁸⁷ Васильцова В.М., Тертышный С.А. Институциональная экономика. – СПб.: Питер, 2013. – с. 15

же деактивация приводит к возможности установления новых ориентиров и юридически закрепленных практик. Образующаяся лакуна, с большой долей вероятности, будет заполнена легализованными практиками неформального характера, доминирующими в институциональной среде.

Отметим, что институциональный подход не впервые применяется к феномену нации, о котором мы преимущественно и говорим – многие специалисты аналогично склоняются к его использованию в данном случае. Так, Р. Брубейкер предлагает отказаться от категории «нации», вместо этого сосредоточившись на изучении критериев институционализированности этой сущности. «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, осязаемых, ограниченных и живущих “групп”, – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах»⁸⁸. В качестве источника генезиса нации примордиалисты могут указывать некие первобытные и скрытые от нас процессы полумистического характера, а модернисты – объективно наблюдаемые социальные процессы интеграции. В то же время, критики самой концепции национализма пытаются указать на отсутствие категории нации в реальной политической практике. При этом ключевой ошибкой прочих подходов Р. Брубейкер считает то, что категории практики принимаются как категории научного анализа. Отметим, что, по крайней мере, в российской политической практике вопрос столкновения теоретических категорий с практически познаваемыми сущностями также стоит достаточно остро и является одним из основных проблемных мест для проведения последовательной национальной политики.

Таким образом, представляется логичным принять некоторые идеи Р. Брубейкера и обратить внимание на характер и способ институционализации нации как сообщества в рамках политической системы, методы действия

⁸⁸ Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2012. – с. 29

нации в институциональном поле, связанные с ней в данных рамках. Одной из главных целей такого рассмотрения можно считать определение основных преимуществ нации как института, предпочтительных для нее целей и способов действия в правовом и политическом поле.

Полагаем возможным вывести следующее определение института, способное помочь нам в раскрытии темы настоящей работы: институт – элемент социальной и политической структуры общества, опирающийся на юридические нормы и общественные конвенции.

Подводя итог, отметим значительную необходимость применения институционального подхода при изучении феномена нации в рамках функционирования многоэтнического или многонационального государства. Существующий на практике характер нации (в конструктивистском понимании термина) как воображенного сообщества, в немалой степени построенного на общественном консенсусе о самом факте существования нации и необходимых для «вступления» в нее признаках, а также общественном договоре, согласно которому нация является субъектом определенных политических процессов, обладает собственным голосом и полномочиями по защите собственных интересов. Необходимо придерживаться близкой логике нашего исследования теории рационального выбора и общей концепции, согласно которой институциональные среда, соглашение и практики очерчивают рамки допустимого в общественной и политической сфере, а роль не существующих в легальном юридическом поле институтов не следует преуменьшать – отсюда важность придания понятию института именно выведенного нами «широкого» значения, в которое входят не только непосредственные государственные институты, но и глубоко «неофициальные», пусть и играющие важную роль социальные группы.

ГЛАВА 2.

ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

§3. Государственное регулирование в сфере межнациональных отношений

Для определения возможных уязвимых и проблемных мест организованных в многонациональных государствах политических процессов, связанных с осуществлением различными институтами действий по формированию курса национальной политики, следует рассмотреть ряд семантических конструкций, продиктованных общим внутривнутриполитическим официальным дискурсом и выраженных, преимущественно, в не имеющих характер обязательных к исполнению нормативно-правовых актов документах концептуального рода.

Несмотря на значительно сократившуюся по сравнению с площадью СССР территорию Российской Федерации, а также отделение многих социалистических республик и превращение их в суверенные государства, после распада СССР произошло серьёзное обострение межнациональных отношений, выразившееся в миграции беженцев, вооружённых конфликтах и сепаратизме. Все это усилило необходимость переосмысления федеральной и региональной национальной политики, выражающегося в создании современных и адекватных изменившейся социально-политической обстановке государственных институтов, занимающихся регулировкой национальных отношений, в опоре на современные и актуальные нормативно-правовые акты, законы и концепции национальной политики, способные послужить каркасом для построения жизнеспособного правового федеративного российского государства.

Россия была и остаётся страной, где представлено множество народов и все основные религиозные конфессии. В таких условиях немаловажным

представляется применение в национальной политике не только административно-территориального, но и этнического, национального подхода. Необходимо, опираясь на обозначенную нами в прошлом параграфе институциональную методологию, рассмотреть государственное регулирование межнациональных отношений в применении как к установившимся институциональным нормам, так и к организациям, реализующим эти нормы. Национальная политика в такой стране, как Россия, характеризуется как «не только проблемы состояния и развития этнического разнообразия населения страны [...], но и построение системы государственной организации и управления в условиях многонациональности»⁸⁹.

Главный из государственных органов, ответственных за национальную политику – Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации – был упразднен в 2001 году с последующей передачей функций управления миграционной политикой в Министерство внутренних дел. При этом представляется очевидным, что национальная политика не сводима к политике миграционной: должна вестись и выработка глобального курса, трансформация теоретических концепций в конкретные положения внутренней политики. Многие специалисты рассматривают сложившуюся ситуацию как глубочайший кризис и предлагают свои решения довольно общего характера. «Во-первых, [необходимо] определение общих (объединяющих) для всего российского общества начал, которые были бы близки и принимались представителями всех российских этносов и конфессий. [...] Во-вторых, поиск объединяющей основы (платформы) сосуществования и взаимодействия разных видов идентичностей, в частности этнокультурной, региональной [...] конфессиональной и российской национальной идентичностей.»⁹⁰

⁸⁹ Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность. – М.: ИЭА РАН, 2011. – с. 3

⁹⁰ Шадже А.Ю. Адыгя в российской идентичности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sov-adyg.ru/engine/print.php?newsid=4965> (дата обращения: 24.05.2014).

В ходе изучения существующих концепций внутригосударственных межнациональных отношений нельзя не отметить значительную несогласованность существующих в их рамках внутренних направлений, ослабляющую общую четкость положений и затрудняющую формирование рамок единой институциональной среды, жёстких и не трактуемых превратно общих аспектов регулирования межнациональных отношений.

Любое идеологическое и практическое формирование российской национальной политики может проводиться только с учетом сложной и многосоставной структуры страны. Исследователями отмечается, что дискуссионный характер базового понятия «нация» и отсутствие единства в отечественной науке по определению его содержания негативно влияет на интеграционные процессы внутри российской гражданской нации. В то же время, разумеется, подобные проблемы нельзя решить исключительно теоретическими штудиями. «Само по себе внедрение понятий “нация”, “российская нация” не достаточно для реализации национальной идентичности»⁹¹.

Именно развитие и сохранение национальных культур, традиций малых и крупных народов является одной из основных четких идеологических линий национальной политики Российской Федерации. Согласно статьям 68 и 69 главы 3 Конституции Российской Федерации, «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»⁹², а также «гарантирует права коренных малочисленных народов»⁹³. Отдельно отметим, что ни одному из народов не приписывается «руководящая» или иным образом выделяемая роль. Более того, в апреле 2011 года премьер-министром Российской Федерации В.В. Путиным были раскритикованы попытки ввести в Конституцию положение о «государствообразующей роли русского

⁹¹ Паин Э.А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – с. 116

⁹² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря

⁹³ Там же

народа» (в таком виде ничего реально не гарантирующее и носящее исключительно декларативный характер): «Чтобы каждый человек так чувствовал, все мы должны быть равны. Это принципиальный вопрос»⁹⁴. Одной из основных задач новой государственной национальной политики Российской Федерации является «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности» [5, ч.1]⁹⁵ и обязательное для всякого демократического государства положение об «обеспечении прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств»⁹⁶.

Одинаково важными целями являются сохранение территориального единства Российской Федерации и мирное сосуществование входящих в нее народов. «Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны»⁹⁷. Многими экспертами отмечается необходимость повышения роли этнических сообществ в социально-политической жизни страны, усиления социального партнерства и укрепления социализации, благодаря которым в средне- и долгосрочной перспективе должен снизиться уровень конфликтности и межнационального напряжения. «Под социализацией этнокультурных сообществ подразумеваются действия государства: по вовлечению этнических сообществ в формирование гражданского общества; по преодолению этнической и религиозной замкнутости, экстремизма и других негативных явлений; по утверждению толерантности, уважения к культурам, традициям, обычаям других народов и религий»⁹⁸.

⁹⁴ Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 24.05.2014).

⁹⁵ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/437675/> (дата обращения: 24.05.2014).

⁹⁶ Там же

⁹⁷ Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – с. 7

⁹⁸ Ким М.И. Роль этнических сообществ в гармонизации межнациональных отношений (в свете многообразия культур). [Электронный ресурс]. URL:

В.А. Тишков дополняет: «Российский народ-нация – не результат унификации, а объединенное этническое разнообразие»⁹⁹. Проведенные в последние годы исследования позволяют говорить о продолжении усиления самоотождествления с этнической идентичностью. Российская идентичность получает более широкое распространение: «в 2004 г. устойчиво ощущали свою общность с россиянами 31% и никогда не испытывали чувства общности с ними 21%, а спустя 3 года эти показатели составили, соответственно, 35% и 15%»¹⁰⁰. Обстоятельный анализ использования идеи «общероссийской нации» в государственных документах этого периода осуществила Г.И. Зверева¹⁰¹. Она полагает, что впервые идея коллективной российской идентичности – «многонациональный народ России» – была высказана в Конституции в 1993 г. Нацию предполагалось построить «на основе гражданской культуры с сохранением социокультурного разнообразия»¹⁰². Периодически всплывающие в тех или иных программных документах идеи признания «государствообразующего статуса русского народа» традиционно резко отвергаются. По словам Р.Г. Абдулатипова: «Если мы по отношению к одному, пусть и доминирующему, народу введем формулировку “государствообразующий” – придется менять Главный закон страны»¹⁰³.

http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/2006-06-28_doklad-kim.doc?AttachID=425 (дата обращения: 24.05.2014).

⁹⁹ Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – с. 10

¹⁰⁰ Российская идентичность в социологическом измерении (Опрос 2007). [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_4.html (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁰¹ Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. – 2009. – №1 (январь–март). – с. 73

¹⁰² Шадже А.Ю. Российская идентичность в контексте постнеклассической науки // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – №2

¹⁰³ Мартынюк В. Концепция национальной политики – удар по российской государственности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.km.ru/vrossii/2012/12/20/vladimir-putin/700169-kontseptsiiyanatsionalnoi-politiki->

Как можно видеть, данная концепция в представленном разрезе оказывается достаточно близкой идее мультикультурализма, в максимально общем виде представляющего собой именно политику сохранения культурных различий проживающих в стране этносов и отказ от жесткого вписывания их в прокрустово ложе культурных и институциональных традиций титульной нации. Несмотря на некоторые сходства, концепция мультикультурализма российскими властями критиковалась; однако, при сохранении цветущего этнического многообразия всё же не представляется возможным обойтись без применения некоторых ее принципов при построении концепции межнациональных отношений Российской Федерации.

Концепция, не являясь законом и нося конструктивный идеологический характер, ставила своей целью лишь обозначение приоритетов формируемой национальной политики – создание или переопределение рамок дозволенного, институциональных среды и соглашения. При этом можно отметить следующие ее основные моменты:

1. декларируемое равенство всех народов в рамках единого российского государства;
2. связывающая роль русского народа, особое его положение;
3. декларируемая необходимость выравнивания уровней социально-экономического положения субъектов федерации;
4. защита прав и интересов граждан РФ за её пределами.

Всё это представляется, по большей части, достаточно стандартными, свойственными современной демократической риторике декларативными понятиями, которые, при этом, можно истолковать самыми разными способами – некоторые из путей развития «мультикультурного» направления сами по себе являются, как минимум, небесспорными. Одним из относительно чётких пунктов Концепции остаётся подъём «депрессивных» регионов; приблизительно обозначена и степень необходимого

вмешательства – она должна привести к «выравниванию» уровней жизни различных регионов. Если обратиться к актуальной государственной статистике по налогам и сборам, становится очевидно, что в Российской Федерации меньшая часть регионов-доноров (так, по данным на 2013 год это были, в первую очередь, Москва, Санкт-Петербург, ХМАО и ЯНАО¹⁰⁴) наполняет федеральный бюджет, который значительную часть полученных средств отправляет на развитие большей части дотационных регионов, в число которых входят многие республики Кавказа и области Сибири (в первую очередь, Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Дагестанская и Чеченская республики¹⁰⁵). Концепция национальной политики, в то же самое время, поощряет именно такое расходование средств: превыше всего ставится территориальная целостность Российской Федерации и заявленное в Концепции выравнивание финансового положения регионов, от недостатка рычагов управления на местах переданное в ведение федерального центра.

Поддержание такой экономической политики представляется достаточно сложным делом, ведь граница финансовой состоятельности в некоторой степени соответствует и границе этнической, а также национальной. Так, например, по данным Федеральной службы государственной статистики на 2011 год совокупный бюджет Северо-Кавказского федерального округа являлся отрицательным, а бюджеты Центрального и Уральского федерального округов (с преимущественно русским населением и прослойками прочих этносов – например, татар), напротив, профицитны¹⁰⁶. В случае потенциального обострения отношений между субъектами современной федерации добавляется дополнительный

¹⁰⁴ Алябьева Е. Кто на самом деле кормит Кавказ? [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/economics/kto_na_samom_dele_kormit_kavkaz-1036154.xhtml (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁰⁵ Там же

¹⁰⁶ Исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2011 году (по оперативным данным Федерального казначейства). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d01/fin-gos.htm (дата обращения: 24.05.2014).

конфликтогенный фактор – финансовое и экономическое неравенство регионов с населением, преимущественно, из того или иного этноса. Можно возразить, что сохранение и углубление финансового неравенства субъектов федерации само по себе точно приведет к обострению межнациональных конфликтов. Это верно, однако верно и обратное: обратившись к примеру Бельгии, мы увидим, что уравнительная финансовая политика также может регулярно подливать масло в огонь и только обострять существующие противоречия.

Возвращаясь к кавказским республикам, отметим, что, согласно мнению многих экспертов, к ним следует подходить «с учетом специфики региона, в котором онтологический статус этнического фактора еще высок и определяет существенную характеристику северокавказского общества»¹⁰⁷. Можно только приветствовать подход к национальным республикам с точки зрения национального подхода, включение политически оформленных наций в ряд институтов, с которыми проводится активная политическая работа. Если обратиться к центральным для этого вопроса документам – региональным концепциям кавказских республик, входящих в состав Российской Федерации, можно обнаружить подчеркнутое и первоочередное самоопределение региона как субъекта федерации: «Концепция исходит из того, что Чеченская Республика (Нохчийн Республика) является неотъемлемой составной частью Российской Федерации»¹⁰⁸, «Утвержденная Концепция представляет собой систему принципов и приоритетов политики, направленных на укрепление российской государственности, консолидацию всех народов внутри Карачаево-Черкесии в составе России»¹⁰⁹ и т.д.

¹⁰⁷ Шадже А.Ю. Северный Кавказ и укрепление российской идентичности // Северный Кавказ в фокусе российской идентичности. Под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: «Российское философское общество»; Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2011. – с. 10

¹⁰⁸ Концепция Государственной национальной политики Чеченской Республики // Министерство культуры Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=52&PubID=78> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁰⁹ Президент Карачаево-Черкесии утвердил концепцию национальной политики Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchr.info/news/5206-prezident-karachaevo-cherkesii-utverdil.html> (дата обращения: 24.05.2014).

Для рассматриваемых нами элементов мультикультурного общества в России крайне важна артикуляция этносом или нацией своих интересов и воздействие на местные и федеральные власти с целью их реализации. Однако даже некоторые региональные концепции слишком мало внимания уделяют локальному этническому фактору, производя скорее переложение общей Концепции национальной политики в рамках данного административно-территориального образования. «Приоритетной задачей государственной национальной политики Республики Ингушетия в сфере межнациональных отношений является обеспечение условий социально-экономического и культурного развития всех народов Республики Ингушетия»¹¹⁰ и «Цель национальной политики – совершенствование межэтнических отношений, обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития народов Карачаево-Черкесии»¹¹¹. Впрочем, есть и исключения – чеченская концепция, напротив, отдельно упоминает «чеченский народ» и посвящает уже первый параграф детальному описанию всех его предполагаемых выдающихся качеств, сильно тем выделяясь из ряда подобных документов. Даже общая Концепция национальной политики, в которой, действительно, отдельно упоминалось о русском народе, уделяла этому гораздо меньше внимания, используя скорее категории административно-территориального подхода.

При этом экспертами отмечается, что «для народов Северного Кавказа становятся притягательными различные идеи и проекты национально-государственного устройства, будь то на путях выхода из России (к примеру, Чечня) или же [...] сохранить привилегированное положение “титульных” национальностей в республиках [...]»¹¹². Экстраполируя эти тенденции, мы

¹¹⁰ Особенности национальной политики Ингушетии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/011061.shtml> (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹¹ Президент Карачаево-Черкесии утвердил концепцию национальной политики Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchr.info/news/5206-prezident-karachaevo-cherkesii-utverdil.html> (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹² Коргмазов А.Ю. Северный Кавказ в системе геополитических интересов России (Материалы XII региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй). [Электронный ресурс]. URL:

имеем все основания предположить, что существующие способы закрепления элементов мультикультурализма не вполне работоспособны, несмотря на гладкость и обтекаемость формулировок большинства региональных национальных концепций.

Одним из действующих государственных органов, способных заниматься «мультикультурным» аспектом национальной политики является Департамент межнациональных отношений при Министерстве регионального развития (при этом возможно реформирование Минрегиона в Министерство национального развития путем выделения в его составе мониторингового центра с сетью региональных отделений, призванных следить за межнациональными конфликтами¹¹³). В структуру этого департамента входят Отдел этнокультурного развития, Отдел по взаимодействию с российским казачеством, Отдел анализа межнациональных и этноконфессиональных отношений, Отдел по реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Таким образом, этот департамент имеет полномочия заниматься всеми основными направлениями работы по управлению межнациональными отношениями в федерации.

Если за отсутствием в открытом доступе более актуальных документов проанализировать справку «Об итогах мониторинга реализации государственно-конфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2007 года», можно отметить некоторые немаловажные положения. В целом, работа носила неадресный характер и ограничивалась изменениями общего порядка, касающимися всех конфессий Российской Федерации. Так, говорится о «плановой работе в сфере налаживания механизмов взаимодействия с религиозными организациями, усовершенствования законодательства, регулирующего деятельность

<https://dl.dropboxusercontent.com/u/13021893/korkmazov.pdf> (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹³ Минрегион может превратиться в Министерство по делам национальностей.

[Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/fast/russia/minregion-mozhet-prevratitsya-v-minnats-1014060.xhtml> (дата обращения: 24.05.2014).

религиозных организаций, организации и содействия организации мероприятий, призванных расширить межрелигиозное сотрудничество»¹¹⁴. Все вышеозначенные моменты позволяют говорить о доминирующем административно-территориальном подходе, слабо учитывающем национально-конфессиональную специфику различных народов (не последнее место среди которых занимают народы Кавказа – «горячей точки», требовавшей повышенной осторожности и внимания), входящих в состав Российской Федерации, за пределами больших проектов, однозначно необходимых по логике реализации конкретной национальной политики.

Крайне важно также отметить ярко представленный в справке «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническими общностям России в первом полугодии 2007 года» количественный подход, не анализирующий в первую же очередь этноконфессиональный состав акторов-участников конфликта, приведшие к нему факторы и способы предотвращения подобных конфликтов в дальнейшем¹¹⁵. Все это вполне укладывается в тенденцию, способствовавшую упразднению большей части структур, занимавшихся национальной политикой, и передаче оставшихся полномочий Министерству внутренних дел: национальные конфликты стараются рассматривать по

¹¹⁴ Справка «Об итогах мониторинга реализации государственно-конфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2007 года».

[Электронный ресурс]. URL:

http://www.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_konfes_otn.doc (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹⁵ Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническими общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL:

http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

возможности в правовом и уголовно-административном ключе, смягчая тем самым официальную картину межнациональных отношений, ещё недавно находившихся в крайне нестабильном состоянии после двух чеченских войн, а также прочих вооружённых конфликтов и террористических актов, во многих из которых принимали активное участие этнические кавказцы. Кроме того, в данной статистике не учитываются конфликты между представителями разных национальностей, по данным следствия, произошедшие на бытовой почве. Этот подход также допускает некоторый уровень свободы в вопросе отнесения того или иного конфликта к компетенции органов по управлению межнациональными отношениями в государстве. Представленный в документах департамента упрощённый и краткий анализ межнациональных отношений зачастую использует категории административно-территориального подхода (так, упоминается о наибольшей напряжённости в Южном, Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах без конкретного выделения основных социальных и национальных групп, связанных с этой напряжённостью), что укладывается в отмеченную нами ранее тенденцию к опусканию национальной компоненты даже в работе профильных структур правительства и переходу на более традиционный для этого правительства территориально-административный категориальный аппарат.

Любопытно, что в документе открыто сказано, что «мощный конфликтогенный потенциал, реализовавшийся в десятках межэтнических конфликтов 1990-х годов на всем постсоветском пространстве, был заложен национальным принципом административно-территориального деления Советского Союза»¹¹⁶. Несмотря на это, сравнение образа мышления и угла

¹¹⁶ Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническим общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

рассмотрения имеющихся проблем современными правительственными структурами Российской Федерации с упоминавшимися выше советскими институциональными практиками, на наш взгляд, говорит о неполном изживании проблемного наследия советского управления межнациональными отношениями, ограниченного административно-территориального подхода, игнорирующего прочие немаловажные аспекты.

Говоря о национальных республиках, важно упомянуть также о противоречащем концепции многообразного мультикультурного общества равных этносов неравномерном институциональном закреплении национального правового статуса различных народов Российской Федерации.

Так, в конституциях различных национальных республик, входящих в состав Российской Федерации, открыто и ясно закреплено право живущих в этих областях народов на самоопределение и образование нации: Бурятия образована «в результате реализации права бурятской нации на самоопределение»¹¹⁷, как и Кабардино-Балкария, («Верховный Совет [...], реализуя неотъемлемое право кабардинской и балкарской наций [...] на самоопределение [...], подтверждает государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Республики [...] »¹¹⁸), Удмуртия (государство, «исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией... своего неотъемлемого право на самоопределение»¹¹⁹), Башкортостан

¹¹⁷ Конституция Республики Бурятия (принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/chapter/3/ (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹⁸ Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. N 28-РЗ (принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г.) (в редакции, принятой Конституционным Собранием 12 июля 2006 г.) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_kabardin/chapter/1/#block_100000 (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹⁹ Конституция Удмуртской Республики (принята решением Верховного Совета УР от 07.12.94, в ред. от 04.06.2012). [Электронный ресурс]. URL: http://www.udmurt.ru/about/government/about_government/constitution/ (дата обращения: 24.05.2014).

(«Образована в результате реализации права башкирской нации на самоопределение»¹²⁰) и т.д.

Как мы видим, относительно малочисленные этносы, проживающие на территории РФ, успешно воспользовались правом на самоопределение, добились некоторого национального суверенитета в рамках федерации, а, следовательно, их государства вполне можно считать национальными, несмотря на то, что «полноценным» государственным суверенитетом они в настоящее время не обладают¹²¹. В то же время жителям регионов с очевидно превосходящим количеством этнических русских в этом самоопределении всегда было отказано – они вынужденно существуют в рамках конструкта российской гражданской нации и считаются как бы тождественными ему, как бы не выделяемы из этого общего множества, обозначающего весь спектр национальностей, живущих на территории Российской Федерации. Отмечаемое различными исследователями «стремление русских к этническому позиционированию в значительной степени является ответной реакцией на демонстративное акцентирование этничности в реальных социально-экономических и общественно-политических отношениях со стороны других народов России и СНГ»¹²².

При этом стоит все же отметить, что некоторое время велась работа над законопроектом «О правовых основах статуса и развития русского народа в системе федеративных отношений Российского государства», который был необходим для решения именно этой проблемы. Так, одним из положений данного закона предполагался запрет на рассмотрение русских в

¹²⁰ Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. N BC-22/15 (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_bashkor/ (дата обращения: 24.05.2014).

¹²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27571/ (дата обращения: 24.05.2014).

¹²² Общественная палата РФ. Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под редакцией М.В. Романова и В.В. Степанова. – М.: Общественная палата РФ, 2013. – с. 12

качестве национального меньшинства на всей территории РФ, включая те регионы и республики, в которых они действительно таковым являются по причине своей малочисленности.

Не будем забывать, что даже представленное политическими нациями население самоопределившихся республик лишено права голоса от лица своего национального сообщества: оно, в отличие от заслуживших адресное обращение различных «малых народов», на федеральном уровне также рассматривается не как нация – согласно нашему определению, основанного на этносе политического сообщества – а как многонациональное население конкретного региона. Все это мешает осуществлению мультикультурной концепции российской нации как многообразия равных этносов.

Уже оформившиеся нации не всегда уделяют достаточно внимания концептуальному обоснованию своей включенности в многонациональную федерацию, что говорит о малой отрефлексированности этого вопроса на региональном уровне и недостаточном развитии концепции мультикультурного государства на уровне федеральном. При изучении и сравнении официальных источников это становится крайне ясным. На официальном сайте республики Бурятия присутствует раздел о национальной политике, но её концепция недоступна для просмотра из-за технической ошибки¹²³. На официальном сайте республики Саха присутствует лишь информация о совете по языковой политике¹²⁴. Правящие круги Татарстана открыто пишут о его «особом [правовом] статусе»¹²⁵ в специальной статье, размещенной на официальном сайте, отмечая, что руководство Татарстана привержено принципу исключительности этого региона. На официальном сайте республики Чечня есть достаточно подробный раздел, касающийся

¹²³ Национальная политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=275> (дата обращения: 24.05.2014).

¹²⁴ Совет по языковой политике при президенте республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://sakha.gov.ru/section/131> (дата обращения: 24.05.2014).

¹²⁵ Валуев В. Ресурс этничности в позиционировании региона в мире: Республика Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/papers/1/> (дата обращения: 24.05.2014).

национальной политики, где представлены, в том числе, её основные цели и задачи: в них входят, например, «осуществление совместно с федеральными органами власти специальных мер по предотвращению дискриминации чеченцев по национальному признаку, обеспечению их конституционных прав во всех регионах Российской Федерации»¹²⁶ и прочие позитивные меры, открыто направленные на «обеспечение национальных интересов чеченского народа». На официальном сайте республики Мордовия присутствует информация о том, что в 2012 году прошли празднования по поводу «тысячелетнего единения мордовского народа с народами Российского государства». Там также приводится цитата из выступления премьер-министра В.В. Путина, гласящая: «Вполне закономерно, что мордовский народ сделал исторический выбор – жить и развиваться в единой стране. Это позволило ему сохранить и свою самобытность, и вместе с другими народами создавать наше общее государство»¹²⁷. Таким образом, в данном случае воспроизводится утверждение об историческом (рациональном) выборе народа, что вновь укрепляет наше конструктивистское толкование нации, а в контексте концепции российской нации вписывается в её «мультикультурное» направление, представленное множеством формально равных этносов.

В этом месте стоит сказать об ином, практически противоположном направлении концептуального обоснования понятия российской гражданской нации. Очевидно, что часто российская национальная политика пытается работать с этой категорией, будто та является единым и цельным телом.

Можно рассмотреть проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» (2003 г. и 2006 г.). В первом варианте повторяется обозначенная нами мысль о первостепенности этнического начала, а также этнофедералистском устройстве нации. Однако к

¹²⁶ Основные цели и задачи государственной национальной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=164> (дата обращения: 24.05.2014).

¹²⁷ 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/95> (дата обращения: 24.05.2014).

2006 году в текст документа вводятся иные понятия, нечасто получающие открытые и новые определения: «общегражданская идентичность», «российская нация». «Российская нация», говорилось в документе, – «это «историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства»¹²⁸. В.А. Тишков выражался еще яснее: «Гражданская нация – это народ в форме согражданства, от имени которого создается государство и действует власть».¹²⁹ Здесь уже нет места мультикультурным тенденциям, российская нация предстает классическим плавильным котлом, соединяющим многоэтническое население в единую нацию на основе гражданской принадлежности. Согласно этой логике, многоэтническое население соответствующих регионов оценивает перспективы и совершает рациональный выбор, ассимилируясь в теле единой гражданской нации.

Можно взять приведенное выше ее определение и проследить историю развития понятия российской гражданской нации как сообщества, плотно спаянного гражданским началом. Впоследствии гражданская компонента оставила позади мультикультурную составляющую концепции межнациональных отношений, что можно проследить и в текущем идеологическом фундаменте национальной политики РФ, не соответствующем принципам проекта 2003 года.

Одним из наиболее важных каналов распространения идеологических установок традиционно служит дискурс представителей государственной власти, в особенности – высшего уровня. Стоит отметить, что с начала 2000-х годов само понятие «нация» стало дрейфовать в сторону обозначения преимущественно единой политической, а не мозаичной этнокультурной

¹²⁸ Зверева Г. И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1. – с. 73

¹²⁹ Тишков В.А. Чтобы не было Кондопоги. [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/chtoby_ne_.html (дата обращения: 24.05.2014).

общности. «Оно находит выражение в дискурсе через такие определения, как “российская нация”, “граждане России”, “мы как нация”, “мы – народ России”, “единый народ России”»¹³⁰.

Важную роль в развитии теоретических основ концепции российской гражданской нации сыграла программная статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос». Одним из вводных её положений является тезис о кризисе политики мультикультурализма и концепции национального государства в целом¹³¹. Там же повторялась нередкая в последнее время идея признания «государствообразующего» статуса русского народа, «объединяющего и скрепляющего цивилизацию». Важным признаком, противоречащим «мультикультурной» тенденции, является подчеркиваемый и здесь безусловный примат надэтнической гражданской принадлежности к российской нации перед этнической самоидентификацией.

Полезен для дальнейшего понимания конструкта российской гражданской нации и проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации (2010 г.), включавший в себя теоретические обоснования характера и сути проводящихся интеграционных процессов. Предполагается, что гражданская нация делится на три основных уровня: «базовый этнокультурный, складывающийся как сообщество всех народов, этнических и субэтнических групп, диаспор, этноконфессиональных общин, проживающих в России; национально-территориальный (базовый политический), состоящий из населения субъектов Российской Федерации; национальный (общегосударственный), объединяющий граждан России в единую национальную общность»¹³². Мы видим, что в конфликте направлений «мультикультурализма» и

¹³⁰ Дробижина Л.М. Введение // Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижина. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – с. 6

¹³¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 24.05.2014).

¹³² Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/> (дата обращения: 24.05.2014).

«плавильного котла» второе не просто победило, но поглотило первое и встретило его в свою структуру на более низком уровне. Архитекторы гражданской нации вымывают чистый этнический, наиболее «биологичный» компонент из социально-политической жизни, подменяя его в лучшем случае этнокультурным, акцент в котором при этом скорее стоит на культурной составляющей. Кроме того, не учитывается и «малая» национальная составляющая, актуальная для населения самоопределившихся национальных республик. Все эти уровни практически не рассматриваются при формировании национальной политики в федеральном центре. Вполне возможно, однако, что скоро ситуация изменится и различные аспекты национальной политики будут занимать больше места в общем внутриполитическом контексте. Так, новый этап начался с подписания президентом 7 мая 2012 года указа «Об обеспечении межнационального согласия», подразумевающего образование при президенте Совета по межнациональным отношениям и разработку Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Данный Совет не является законодательным институтом – согласно М.М. Магомедову «это консультативный и совещательный орган, вырабатывающий предложения для президента»¹³³. Среди основных целей Совета указывается «рассмотрение концептуальных основ, целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации, определение способов, форм и этапов её реализации»¹³⁴. Данные положения, по крайней мере, в своей нереализованной, потенциальной форме, выглядят как комплекс институтов, документов и мер, способных придать национальной политике смысл и новое качество.

В целом же, существующая Концепция государственной национальной политики от 1996 года успела получить некоторую критику даже от вполне

¹³³ У нас не хватает этнополитиков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2348035> (дата обращения: 24.05.2014).

¹³⁴ Образован совет по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/15577> (дата обращения: 24.05.2014).

лояльных её общему вектору межрегиональных общественных организаций. Так, существует совместное заявление Всемирного курултая башкир и Всемирного конгресса татар, выражающее неприятие данной концепции из-за её предполагаемой нацеленности на создание «общегражданской российской нации»¹³⁵ и нивелирование национально-культурных особенностей входящих в неё народов. Официальная позиция по этому вопросу, впрочем, достаточно понятна и призвана их успокоить: «Никто и никогда не заставит осетин, татар, якутов превращаться в россиян, ибо они и есть россияне, российская нация, но которые по своей этнической принадлежности остаются теми, кем себя считают»¹³⁶.

Личную позицию В.А. Тишкова при этом можно выделить как наиболее радикальный и труднореализуемый подход к феномену гражданской нации. Так, академик предполагает возможность полного стирания этнических различий внутри гражданской российской нации для полной консолидации народа и недопущения негативной дискриминации жителей тех или иных регионов. «Может быть, со стороны государственных органов следует просто рассматривать любого человека только как жителя и гражданина, но не как русского, татарина, тувинца или эвенка?»¹³⁷. Любое обособление «в определенных рамках-границах», любая стратификация по этническому признаку является, согласно убеждениям В.А. Тишкова, явлением скорее негативным. Так, на заседании Совета по межнациональным отношениям он говорит о формуле дружного народа (именно «одного народа при всём его многообразии, разнообразии», «государства наций при многоэтничном или многонациональном народе») и дополняет эту мысль прямым запретом на «параллельное существование региональных,

¹³⁵ Азанбаев Р. Т., Закиров Р. З. Сохранить конституционные основы этнокультурного многообразия народов Российской Федерации! [Электронный ресурс]. URL: <http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/> (дата обращения: 24.05.2014).

¹³⁶ Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – с. 11

¹³⁷ Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН, 2009. – с. 66

этнических сообществ»¹³⁸, чем прямо противоречит ряду своих коллег, принадлежащих скорее к «мультикультурному» направлению национальной политики.

Отметим при этом, что «россияне придают большое значение этническому фактору в самых разных ситуациях, в том числе при голосовании на выборах, при устройстве на работу, при выборе друзей и супруга»¹³⁹, и даже среди экспертов подобный унифицирующий и редуцирующий «малую» национальную характеристику подход не является универсально принятым. Их мнения относительно структуры и состава понятия гражданской нации разнятся, но достаточно близки друг другу. Так, Н.Г. Денисов выделяет социокультурный, этнорегиональный, конфессиональный и гражданский компоненты¹⁴⁰. Г.И. Зверева отмечает «цивилизационную, этническую, религиозную, региональную, социально-групповую и т.п.»¹⁴¹ компоненты, подчеркивая имманентную внутреннюю множественность идентичностей. Ю.Д. Гранин склоняется к приоритету общей политической самоидентификации: «мы – граждане российского государства»¹⁴². Единственным общим местом у различных концепций национальной идентичности, таким образом, оказывается (а порой и выходит на первый план) именно отождествление гражданина со страной в целом как наиболее сильно в среднем представленная на практике тенденция к

¹³⁸ Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН, 2009. – с. 66

¹³⁹ Общественная палата РФ. Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под редакцией М.В. Романова и В.В. Степанова. – М.: Общественная палата РФ, 2013. – с. 6

¹⁴⁰ Денисов Н.Г. Методологические основания укрепления российской национальной идентичности в полиэтничном макрорегионе / Науменко Н.Е., Денисов Н.Г., Коваленко Т.В. Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сборник научных статей по материалам II международной научно-практической конференции, 24-27 сентября 2009 года. – Краснодар: Альфа-Полиграф, 2009. – с. 15.

¹⁴¹ Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1 (январь–март). – С. 83.

¹⁴² Гранин Ю.Д. Массмедиа в формировании российской нации: неутешительные итоги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.ipk.ru/index.php?id=1925> (дата обращения: 24.05.2014).

национально-культурной самоидентификации. Данная социально-культурная идентичность макроуровня выступает некой результирующей суммой идентификации этнической, религиозной, культурной и политической, ценностной и языковой: все эти уровни уже как бы сплавлены внутри и у большинства (хотя, разумеется, не у всего) населения страны слабо выделены из общего идентификационного маркера. Подобная тенденция к ликвидации внутринациональных различий действительно существует. Отметим при этом, что, по мнению некоторых экспертов, «интеграционный потенциал российской национальной идентичности еще не выявлен и не используется»¹⁴³.

Говоря об интеграции и вспоминая отдельно подчеркнутую в Концепции необходимость экономического выравнивания жизни регионов, нельзя не отметить и обозначенное там же «создание экономических и социальных условий для добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также для переселения граждан Российской Федерации в другие регионы в целях их освоения»¹⁴⁴ и «противодействие формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку». На первом заседании Совета по межнациональным отношениям данная мысль была повторена в контексте того, что «наряду с направлениями создания рабочих мест и программами по Северному Кавказу одновременно необходимо решать и вопросы организованного переселения населения в труднедостаточные регионы»¹⁴⁵. Таким образом, предполагается достичь не только относительного финансового равенства регионов, но и посылно равномерного этнического

¹⁴³ Жаде З., Куква Е., Ляушева С. и др. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – с. 11

¹⁴⁴ Указ Президента РФ от 22.06.2006 N 637 (ред. от 04.04.2014) "О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" (вместе с "Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом") // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»

¹⁴⁵ Русский народ не будет государствообразующим в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/382229.html> (дата обращения: 24.05.2014).

распределения их населения, что соответствует общей концепции верховенства российской гражданской нации при сохранении этнической самоидентификации и «создании условий для свободного определения гражданами своей национальной принадлежности» – очевидно, имеется в виду скорее этническая принадлежность.

С одной стороны, такое отношение к массовым внутригосударственным миграциям не является новинкой и полностью лежит в русле того направления постсоветской российской национальной политики, которое было ближе к идее «плавильного котла». С другой же, фиксация в Стратегии предполагает следование этим принципам ещё относительно долгое время (по крайней мере, до заявленного в тексте 2025 года), принятие комплекса различных мер, способствующих и укрепляющих эту тенденцию, и т.д. Следовательно, можно уверенно прогнозировать, что в ближайшие годы в регионы с дефицитом населения будет поступать растущий поток внутренних мигрантов. Заметим также, что настолько значительные и дискуссионные вопросы организации межнациональных отношений, возможно, следовало сопровождать конкретной публичной дискуссией.

В целом, согласно социологическим исследованиям граждане России действительно испытывают достаточно сильное самоотождествление, в первую очередь, именно со страной в целом, а также со своим населенным пунктом – связь с регионом уже оказывается более слабой. «При этом “достаточно сильную связь” с Россией ощущает 61%, “очень сильную связь” – всего 25% россиян»¹⁴⁶. Однако это в значительной степени объясняется уже описанной выше неравномерным институциональным статусом субъектов федерации: масса их все-таки не является республиками, что уже понижает привязанность к своему региону. Кроме того, этнические русские,

¹⁴⁶ Магун В.С., Магун А.В. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. – Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. – с. 106

составляющие более 80% населения страны, скорее всего, будут чувствовать наибольшую связь именно с Россией в целом, что также необъяснимо с точки зрения сугубо бюрократического административно-территориального подхода к территориям и населению страны, но хорошо ясно при рассмотрении русских как единого этноса.

Представляется разумным принять за рабочую гипотезу мысль А.Г. Здравомыслова и А.Л. Андреева о том, что в реальности «общероссийское сознание реально проявляет себя не столько как приоритет гражданской идентичности над этнокультурной (“общероссийскость”), сколько как комплекс близких друг другу элементов в сознании практически всех живущих на территории России этносов»¹⁴⁷. Эта ситуация близка советской модели организации советской нации, что легко объяснимо близостью во времени и значительной распространенностью подобных представлений среди масс, а, следовательно, и сохранением соответствующей институциональной среды. «Принципы советской национальной политики базировались на идеологии развития и сближения социалистических наций, интернационализма и дружбы народов, а не на государственностроительстве на основе гражданской общности»¹⁴⁸. В открывающей первое заседание Совета по межнациональным отношениям речи президента В.В. Путина звучит очень важная фраза о проекте советского человека как «новой исторической общности», отношение к которому можно считать лакмусовой бумажкой в вопросах национальной политики. В.В. Путин не дает ему открытой оценки, но говорит, что тот был «не завершен и принят был не всеми»¹⁴⁹. При этом между строк вполне можно прочесть, что при должной доработке и

¹⁴⁷ Здравомыслов А.Г., Андреев А.Л. Российская идентичность и национальное самосознание // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. – М.: «Летний сад», 2004. – С. 106

¹⁴⁸ Зорин В. Ю. Государственная национальная политика в России и современность. – М.: ИЭА РАН, 2011. – с. 4

¹⁴⁹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/16292> (дата обращения: 24.05.2014).

адаптации к современным реалиям такой проект был бы весьма полезен и уместен.

Доктрина В.А. Тишкова также специально ставит своей целью открытое противостояние феномену этнонационализма, во многом продиктованное характером и составом государства. «Этнонационализм в его изоляционистской или сепаратистской формах является одним из главных вызовов для государств со сложным составом населения»¹⁵⁰. Согласно теории В.А. Тишкова государство сможет справиться с этим благодаря утверждению национальной идентичности, гражданской солидарности и прочего единства тремя основными способами: «через государственно-правовые нормы, идеологию, культуру, образование, информацию и другие институты»; путем поддержки этнического своеобразия «через разные внутренние формы самоопределения, включая государственное устройство», а также путем подавления радикального национализма, сепаратизма «идеологическими, правовыми и силовыми методами».

Здесь представляется уместным провести параллель с различными сущностями, связанными с понятием института, тем самым подтвердив глубокую связь данной проблемы с этим широким понятием. Ранее нами выделялись три сущности, называемые институциональными средой, соглашением и практикой. Так, среда является набором действующих правил и санкций: действительно, в рамках комплекса общества и государства существуют определенные юридически оформленные правила относительно направления и характера развития национальной политики, закрепленные в соответствующих нормативно-правовых актах и иных официальных документах. Институциональное соглашение предстает определенной самостоятельной политической единицей, сформированной благодаря «общественному договору» и формальному закреплению статус-кво в соответствующих документах – так, политическое тело Российской

¹⁵⁰ Тишков В.А. Россия это нация наций. В поисках формулы. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya_e1.html (дата обращения: 24.05.2014).

Федерации со всеми своими характерными особенностями (например, существованием в пределах Федерации национальных республик), с одной стороны, документально обосновано, а с другой опирается на привычку и признание гражданами этой модели государственного устройства. Наконец, институциональная практика или характер способа реализации институциональных соглашений в данной среде как раз подразумевает силовое подавление значительного спектра сторонников оппозиционных моделей политического устройства Российской Федерации.

Изучив основные противоречащие друг другу течения концепции межнациональных отношений Российской Федерации, следует обратить внимание на отдельные нормативно-правовые акты национальных республик, которые не вписываются ни в одно из них и подвергают сомнению всю национальную политику в целом. Как правило, преференции, предоставляемые титульному населению этих республик (не соответствующие ни идее единой гражданской нации, ни мозаичной структуре равных этносов и культур), выдаются с помощью инструментов языковой политики как наиболее политкорректного и действенного инструмента этнической сегрегации.

Так, можно изучить «Закон РТ о государственных языках РТ и других языках РТ», представляющий собой обновленную в 2004 г. редакцию «Закона о языках РТ», принятого еще в 1992 г. Помимо разумных и ожидаемых в данном случае положений, провозглашающих равенство федерального государственного языка и языка титульной нации республики, гарантирующих возможность обучения этим языкам, ведения делопроизводства и свободу общения на них, там встречаются достаточно тонкие положения, являющиеся подспудным инструментом проведения национальной политики.

Например, в этом же законе указывается, что «Гражданам, в работе которых необходимо практическое применение двух государственных языков Республики Татарстан, устанавливаются надбавки в размере до 15%

от должностного оклада»¹⁵¹. В подавляющем большинстве своем эти граждане являются этническими татарами. «Это является фактором позитивной дискриминации для татар, использующих методы поддержки, применимые к этническим меньшинствам, хотя они позиционируют себя в качестве государствообразующего этноса»¹⁵². Следовательно, можно говорить о наличии в национальных республиках случаев законодательно закреплённой и реализуемой Министерствами финансовой политике, основанной на принципе позитивной этнической дискриминации. Помимо этого, 22 статья закона, посвящённая языку в культурном контексте, призвана способствовать распространению и сохранению татарского языка, что приводит к последовательному укреплению национального языка – одного из столпов национального государства. В законе Республики Татарстан «О культуре» это закрепляется одной из основных задач данного закона – «содействием развитию татарской национальной культуры, культуры многонационального народа Республики Татарстан, интеграции ее в мировую культуру»¹⁵³. Насколько мы можем видеть, татарской национальной культуре и языку даются открытые и значительные преференции, достаточно, при этом, логичные для национальной республики, реализовавшей свое право на самоопределение, но не лучшим образом сочетающиеся с декларируемым на федеральном уровне проектом по укреплению российской гражданской нации.

Изучая законодательные акты иных национальных республик Российской Федерации, можно обратить внимание на Республику

¹⁵¹ Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 года №1-ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/19/tatarstan-zakon1-reg-dok.html> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁵² Дерябина С. Р. Мультикультурные принципы в законодательных актах Татарстана и Башкортостана. // Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции / Под ред. Амелина В.В., Злобина П.Ю., Кузахметова Р.К. и др. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – с. 65

¹⁵³ Закон Республики Татарстан от 3 июля 1998 г. N 1705 "О культуре". [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/kult.htm (дата обращения: 24.05.2014).

Башкортостан и «Закон о языках народов Республики Башкортостан». Данный закон при формальном следовании принципам мультикультурализма также нацелен на сохранение и развитие именно башкирского языка, понимаемого под словами «родной язык» и называемого «языком башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение». Более того, «В первом тексте закона задачи “возрождения национального самосознания” стояли впереди задач “укрепления демократии”»¹⁵⁴.

Подобные преференции для титульного населения национальных республик вступают в конфликт как с «мультикультурным» направлением, согласно которому должна поддерживаться гомогенная этнонациональная конфигурация, в рамках которой все входящие в российскую гражданскую нацию народы совершенно равны, так и с направлением «плавильного котла», согласно которому все этнические различия в значительной степени подавлены ради формирования совершенно монолитного тела единой нации.

Нам, однако, представляется, что по результатам сравнения перспектив проектов «мультикультурной» России и России как мононационального государства единой гражданской нации, первый представляется более реализуемым. Для полноценного выполнения этой программы необходимо массовое самоопределение живущих в России этносов и возникновение национальных республик в местах их компактного проживания. При минимальном внедрении мультикультурных принципов потребуются утверждение и так признанного равенства всех проживающих в России этносов и наций, а также возвращение национально-ориентированной риторики в поле политической и общественной дискуссии, придание этим сущностям политической субъектности, дополненной именно этнонациональным окрасом. Однако даже эти немалые свершения выглядят более реализуемыми по сравнению с титанической задачей по

¹⁵⁴ Дерябина С. Р. Мультикультурные принципы в законодательных актах Татарстана и Башкортостана. // Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – с. 68

формированию единой гражданской нации, для которой, по большому счету, потребуется ликвидация значительного разрыва в финансовом положении субъектов федерации, перемешивание этносов на всей ее территории, мощнейшая и продолжительная культурная обработка населения посредством не разработанной еще полностью концепции российского «плавильного котла», которая должна привести к тому, что абсолютно все этносы перестанут уделять сколь-нибудь большое внимание своей этнической культуре, а нации согласятся оставить в прошлом свою государственность и войти в тело российской гражданской нации на равных правах со всеми остальными. Этого не удалось в полной мере добиться Советскому Союзу за 70 лет существования и крайне широких возможностей по реформированию внутренней политики – нет никаких оснований предполагать, что подобную задачу можно решить за несколько лет и в существенно изменившейся институциональной среде, едва ли допускающей подобные революционные замыслы.

В целом, перспективы государственного регулирования межнациональных отношений выглядят не так обнадеживающе. Во-первых, наблюдается отсутствие четкой и единой концепции, влекущее за собой неясность действующих институциональных соглашений в данной сфере. Во-вторых, не слишком согласованно выглядит и сам институциональный государственный аппарат, работающий с различными аспектами внутригосударственной межнациональной политики. Создается впечатление, что существующие органы нередко редуцируют вопросы взаимодействия этносов и наций до нетождественных им попыток урегулирования абстрактных конфликтов административными методами. Это заставляет обратиться к перспективам влияния институтов гражданского общества на процессы регулирования межнациональных отношений.

§4. Роль институтов гражданского общества в регулировании межнациональных отношений

В ходе изучения особенностей воздействия различных институтов гражданского общества на политические процессы, связанные с межнациональным взаимодействием в многонациональных государствах, мы в первую очередь склонны обратить внимание на специфические институциональные рычаги, связанные с партийным аппаратом и различными государственными органами самого широкого спектра, а также нормативно-правовыми актами и прочими юридически обязательными к исполнению на территории страны документами.

Политические партии в России могут участвовать в национальной политике лишь опосредованно. По крайней мере, положения федерального закона «О политических партиях» предписывают необходимость создания региональных отделений «не менее, чем в половине субъектов Российской Федерации», а также прямо налагают запрет на создание партий «по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности», под которыми понимаются «указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии»¹⁵⁵. Не только буква, но и дух закона открыто воспрещают строительство национально-ориентированных партий – так, бывший председатель Конституционного суда Российской Федерации, доктор юридических наук В.Д. Зорькин утверждает, что «привнесение в сферу политической борьбы за власть дифференциации по этнорелигиозному признаку чревато расколом общества»¹⁵⁶. При этом,

¹⁵⁵ Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) "О политических партиях". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146131/ (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁵⁶ Зорькин: Партии, созданные по национальному признаку, опасны для России. [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomment.ru/news/49065> (дата обращения: 24.05.2014).

однако, зарегистрированной партией является «Российский Общенародный Союз», идеология которого, в первую очередь, основана на русском национализме. Можно отметить, что, с учетом этого факта данная правовая норма имеет некий полуподвешенный, «относительный» статус.

Представляется возможным (по крайней мере, после тонкой работы с партийной программой и подбором политических кадров) создание партии, недостаточно мононационально ориентированной, чтобы считаться националистической, но, в то же время, отстаивающей, в первую очередь, интересы титульного населения национальной республики или доминирующего этноса в регионе (не ущемляя при этом права национальных меньшинств). При этом необязательно вносить в партийную программу реальные положения о защите интересов той или иной нации – на наш взгляд, достаточно было бы просто обращаться к «малой» национальной и этнической идентичностям по имени, упоминать их как объективно представленные в том или ином регионе сущности, субъекты и объекты национальной политики. При этом электорат, каждый представитель которого входит в те или иные этнонациональные сообщества, самостоятельно связал бы самостоятельно интерпретируемые национальные интересы, с программой той или иной партии и сделал бы определенные выводы по необходимости поддержки той или иной политической силы. Доминирующая на данный момент в электоральной политической сфере, в связанных с партиями институтах гражданского общества традиция рассмотрения населения региона или страны как однородного (пусть и внутренне «мультикультурного» на каком-то глубоком и малозначительном уровне) сообщества должна уступить место более диверсифицированной схеме обращения к электорату, вовлечения его в политические процессы.

Партии, с одной стороны, непосредственно встроены в систему государственного управления, являясь опорой законодательной власти (в тоталитарных государствах полностью сращиваясь с государственным аппаратом), а с другой стороны являются частью гражданского общества,

выполняя функции представительства интересов определенной части граждан государства. По определению Дж. Вашингтона, партии «дают фракциям искусственную и необычайную силу, заменяя делегированную волю нации волей партии – подчас малого, но искусного и предприимчивого меньшинства»¹⁵⁷.

При этом партии служат делу совмещения государственного аппарата и гражданского общества, обеспечивая и социальные лифты для желающих участвовать в политических процессах, и объединение массы вокруг партийной программы и аппарата, а также последующее выражение совокупной консенсусной воли членов партии на государственном уровне – например, посредством участия партии в федеральных законодательных органах. Партии «определяют рамки общественного консенсуса вокруг национальной политики, правила разрешения конфликтов между противостоящими политическими силами»¹⁵⁸. Это сближает механизм функционирования партий с рассмотренной нами институциональной структурой общества и государства, позволяет выявить точки соприкосновения этих систем и примерный процесс встраивания партийной системы в общий институциональный механизм.

В последнее время акценты и способы функционирования нации как института в рамках общей институциональной системы государства и общества сместились с непосредственной работы с гражданином в сторону улавливания настроения своего электората, формировании более точного курса политической программы и привлечения масс путём широко освещенной в СМИ и иных каналах распространения информации сведений о своей политической работе. Б. Манен называл данное явление «аудиторной

¹⁵⁷ Washington, G. Farewell Address 1796. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁵⁸ Центр политических технологий. Партийная система и перспективы политического плюрализма в России. [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/tables/analit_mak.doc (дата обращения: 24.05.2014).

демократией»¹⁵⁹. Полагаем, что данная концепция является актуальной как для традиционных партийных систем, так и для относительно молодых и формирующихся, подобных российской.

Из многочисленных подходов к рассмотрению сущности феномена «партии» имеет смысл остановиться подробнее на системном подходе Г. Алмонда и Дж. Пауэлла. С их точки зрения, «партии вовлечены в политическое рекрутирование, мобилизуя избирателей и осуществляя отбор потенциальных должностных лиц. Они артикулируют собственные интересы и передают требования других»¹⁶⁰. Наиболее важной им представляется функция агрегирования интересов (т. е. один из аспектов описанного выше механизма аудиторной демократии).

Помимо этого, разумеется, партии могут выполнять и функции прямого или косвенного управления государственной политикой, будучи представленными в различных органах власти или проводя свою политику достаточно активно, чтобы влиять на государство и общество посредством негосударственных структур (например, нелегальной мощной оппозиционной организации, пользующейся народной поддержкой подобно польской «Солидарности» в течение ее подпольного периода).

Наконец, среди множества функций института партии существенной для нас является функция коммуникации, обеспечивающая также описанную выше связь институтов государства и гражданского общества. Это способствует повышению равновесия общей социально-политической институциональной системы, поступлению новых кадров и идей в государственные органы и снижению угрозы социальных взрывов, связанной с сильным отрывом реальной и проводимой государством политики от желаемых и возможных действий, ожидаемых от него значительными частями общества.

¹⁵⁹ Манен Б. Принципы представительного правления. – СПб: ЕУСПБ, 2009. – с. 271

¹⁶⁰ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. – М.: Аспект Пресс, 2002. – с. 157

За незначительностью внепарламентской партийной жизни в современной России считаем возможным рассмотреть программы основных парламентских партий в поисках заявлений относительно специфики межнациональных отношений в стране.

«Единая Россия», признавая свой пропрезидентский идеологический вектор, практически не развивает собственной теории межнациональных отношений в России, довольствуясь пересказом принятых государственных концепций о «едином и неделимом российском народе». В программе 2012 года повторяется идея о скрепляющей народы гражданской идентичности, не отвергающей национальные и религиозные особенности, акцент здесь делается скорее на единстве нации, а не разнообразии этносов – такой результат, пусть менее правдоподобный, несколько проще для понимания, а также сам по себе выглядит большим достижением предполагаемой политики плавильного котла.

В целом, «Единая Россия», несмотря на консервативную самоидентификацию, практически не касается традиционно близкого к ней по ряду причин национального вопроса. Например, один из наиболее близких теме внутрипартийных клубов – «Патриотическая платформа» – продвигает именно классический постсоветский интернациональный патриотизм без раскрытия темы отношений различных этносов и наций. Если же рассматривать наиболее широкий спектр околопрограммных документов, то можно увидеть стремление использовать растущие националистические настроения, в том числе со стороны русского этноса, для упрочения общегражданской российской нации, трансформировать революционный потенциал в интеграционную силу. «Не бояться национализма и стремиться использовать его гуманистический потенциал, основанный на уважении к своему народу, его культуре и истории, патриотизме и традиционных ценностях»¹⁶¹. Отметим, что национализм понимается здесь как «любовь к

¹⁶¹ Керемецкий И. Национализм как объективная реальность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosconservator.ru/articles/48/> (дата обращения: 24.05.2014).

своему народу», что не совсем соответствует истине и от формирования нации как политического субъекта уводит нас в сторону мягкой поддержки той или иной национальной культуры, которую мы видим, например, в работе институтов национально-культурной автономии. Однако с учетом таких заявлений у «Единой России» все же есть некоторый незначительный шанс на постепенный переход к более национально ориентированной риторике, позволяющий российским гражданам, принадлежащим к тому или иному этносу или нации, рассматривать более адресные программные положения, находящие отклик именно у них, а не расплывчатые положения, предназначенные для российской нации в целом.

«Справедливая Россия», будучи партией социал-демократической направленности, должна, по нашему представлению, придерживаться базовых мультикультурных принципов, в европейской политической практике часто сопутствующих данной политической идеологии. И действительно, в программе партии признается органическая многонациональность России и необходимость «обеспечить диалог власти, национальных общин и диаспор, ведущих конфессий в рамках общественных межнациональных советов»¹⁶², поддерживать развитие региональных этнических институтов гражданского общества, но в то же время и способствовать формированию общероссийской гражданской идентичности. Дело, как обычно, в расстановке акцентов и относительном усилении того или иного начала: в «Справедливой России», по нашему мнению, первое место отдано именно пропаганде мозаичного этнонационального устройства России.

Интересно, что на сайте присутствуют также проекты развития некоторых регионов, в число которых входят национальные республики (Чечня, Бурятия, Башкортостан, Якутия). Подобно тому, как региональные государственные концепции межнациональных отношений представляли

¹⁶² Справедливая Россия. Программа партии: Национальная политика. [Электронный ресурс]. URL: http://spravedlivo.ru/5_47916.html (дата обращения: 24.05.2014).

собой переложение общефедеральной на тот или иной регион почти без особого обращения к титульной нации, данные проекты также предусматривают сохранение многонационального принципа построения и в рамках региона. Таким образом, несмотря на похвальное стремление обратиться к населению региона напрямую, это делается в рамках административно-территориального подхода – без учета национальной специфики.

КПРФ при всей приверженности коммунистическим идеалам постепенно сформировала себе во многом «красно-коричневую», державную патриотическую платформу, близкую идеям ее достаточно возрастного электората. Так, в программе приводится формула «Задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают»¹⁶³. При этом признается многонациональность России и равенство живущих в ней народов. Вообще, КПРФ по вопросу национальной политики имеет одну из самых слабо разработанных программ, что в какой-то степени укладывается в рамки «левого» увлечения экономическими вопросами.

Однако в 2012 году при тесном контакте с Зюгановым было организовано малоизвестное и крайне эклектичное «Всероссийское созидательное движение «Русский Лад», задуманное как синкретичный конгломерат сторонников всех консервативных патриотических, государственных сил (от националистов до «красно-коричневых» коммунистов). Идеологом и организатором движения заявлен Владимир Никитин – депутат Госдумы и член фракции КПРФ. Эта довольно странная организация, вероятно, является скромным «побочным проектом» коммунистической партии, в рамках которой можно поднять темы, слишком неуместные в любой сколько-нибудь «коммунистической» программе.

Представляется возможным подвести итог: национальные и этнические меньшинства России как бы не выделяемы из общего российского народа, а

¹⁶³ Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа партии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 24.05.2014).

доминирующий русский этнос отождествляется с носителем левой идеи, бывшим коммунистом – в утверждениях о геноциде русского народа можно сменить «русский» на «российский» без малейшей потери смысла. Таким образом, обращение к национальному чувству следует считать не вполне полноценным – попыткой подтасовки понятий и использования националистического категориального аппарата в традиционных популистских целях без реального содержания.

ЛДПР, обладающая наиболее «националистическим» имиджем по сравнению с другими парламентскими партиями, имеет в своей программе раздел, специально посвященный русскому вопросу, где в характерной провокационной манере говорится о «настоятельной необходимости в создании Русского национального государства, в котором будет действовать принцип: все для русских, ничего против русских»¹⁶⁴. Предполагается, что это пройдет «без ущемления прав других народов, проживающих в России», а также приводятся классические для националистического дискурса 90-х годов обвинения в «этноциде» русских со стороны стран «золотого миллиарда». Отметим также, что такая риторика не приводит к давлению со стороны правительства или иным репрессивным последствиям, хотя при желании правоохранительные органы могли бы усмотреть в таких положениях элемент этнонациональной ориентации, который формально находится под запретом. Как можно видеть, эта норма действительно трактуется достаточно нежестко и произвольно.

В брошюре «Русские» видение партией национального вопроса достигает абсолютной ясности: согласно приведенным положениям, Россия ошибочно причисляется к многонациональным государствам, в то время как более 80% населения принадлежит к великоросскому, малоросскому и белорусскому этносам, а следовательно «по всем объективным характеристикам» такое государство следует считать мононациональным.

¹⁶⁴ ЛДПР укажет дорогу. [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/Liberal_Democratic_Party_will_show_the_way_the_draft_party_program/ (дата обращения: 24.05.2014).

Существование национальных республик и автономий, принося пользу населению этих регионов, препятствует созданию российской нации (при том, что ЛДПР всегда поддерживала идею большого, сильного имперского государства, очевидно, предполагается не отделение, а десоверенизация республик и приведение их обратно к статусу условных «губерний»). Именно формирование русского национального государства, объединение разделенного по многим государствам СНГ и зарубежья русского народа должно превратить русский этнос в нацию и вернуть ей былое величие. Кроме того, аналитический центр ЛДПР отмечает общую бесцельность лежащих в русле политики мультикультурализма попыток адаптации иноэтничного потока мигрантов, приводя пример с французскими арабами. Есть у ЛДПР и начала концепции формирования единой гражданской нации: предполагается, что это возможно только при наличии «прочного фундамента», например, «единой Веры». При очевидной нереалистичности такой модели построения прочной федерации добавляются и иные аргументы в пользу единой российской (этно)нации, главными из которых являются националистические тенденции, проявляющиеся в национальных республиках и связанные как с деятельностью региональных государственных органов («зуд суверенности»), так и с институтами гражданского общества, культурными направлениями. Открыто обвиняются формы национального самоопределения¹⁶⁵ или «изучение исторической культуры народа».

В то же время в 90-х годах партией предлагались и более проработанные проекты, подразумевавшие создание русских национальных политических институтов, самоопределение русского этноса через созыв представительного органа русского народа. Курс на приведение федеральных национальных отношений к единому правовому фундаменту посредством снятия «привилегий» политических наций Российской Федерации и

¹⁶⁵ Общественно-политический журнал ЛДПР «За русский народ». №4 (63), 2013. – с. 7

«реализацию иных, интегрирующих форм самоопределения»¹⁶⁶ с целью формирования национальной элиты был взят уже в те годы. Еще в конце 80-х годов были выдвинуты идеи устранения любых принципов деления территории государства, кроме сугубо территориального, губернского принципа.

По нашему мнению, следует понимать эти положения как популистский этнонационализм довольно примитивного уровня с лишь отчасти верными предпосылками. Очевидно, что защищая интересы русских, необходимо действовать тоньше – однако, не имея никаких перспектив к реализации таких масштабных и крайне скудно описанных «проектов», партия может в то же время привлечь электорат с аналогичными взглядами и уровнем политического развития. Сама риторика, при безусловно заслуживающей похвалы апелляции к национальным интересам, имеет массу недостатков: чересчур радикальна в своей опоре на этнонационализм и может отпугивать более умеренный электорат, предлагается заведомо непопулярный у национальных меньшинств план лишения их собственной государственности и жесткого встраивания в тело переосмысленной российской нации. Однако, если забыть о личном отношении автора работы к такой концепции, ЛДПР также вполне способна аккумулировать политическую волю своего электората, соответствуя демократическим принципам, ради которых и задумывалась многопартийная система.

Проводя сравнение интересующих нас частей программ парламентских партий с заявленными государством концепциями, можно отметить несколько моментов. Во-первых, партийные проекты системы межнациональных отношений, к сожалению, пока не являются достаточно проработанными и проигрывают в сравнении с позицией правительства. Это объяснимо значительной общеправительственной инертностью в вопросах внутринациональной политики, желанием обходить многие связанные с ней

¹⁶⁶ ЛДПР предупреждала III. Русский ответ на русский вопрос. – М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2013. – с. 17

острые вопросы. Во-вторых, трудно говорить о внятной альтернативе этой позиции – помимо небольших расхождений в риторике, большинство программ копируют основные положения общепринятой государственной национальной политики. В-третьих, партийные программы по поводу межнациональных отношений, как правило, вообще существуют только на высшем, общефедеральном уровне – с некоторыми оговорками ни одна из партий практически не пытается обратиться к тому или иному внутреннему российскому этносу или нации напрямую, не производит адаптацию интересующих нас аспектов общей программы на региональном уровне.

Большое значение для локальной институциональной практики межнациональных политических процессов имеют и органы местного самоуправления (по общепринятой классификации не относящиеся к системе государственной власти), а также региональные подразделения федеральных органов. Это сознают эксперты и государственные чиновники, пытающиеся выстроить единую стройную систему регулирования межнациональных отношений.

В.Ю. Зорин в своем выступлении на заседании Совета по межнациональным отношениям затрагивает эту тему, касаясь организационной структуры органов, отвечающих за проведение государственной политики. «Например, из 83 субъектов в 24 регионах существуют отдельные министерства, комитеты или департаменты по национальной политике; в 31 регионе эта тема находится в ведении подразделения по взаимодействию с общественными организациями и органами местного самоуправления; в 13 – в управлениях или департаментах внутренней политики; в 4 – в ведении региональных органов образования и культуры; в 11 – в аппаратах глав субъектов»¹⁶⁷. Отметим, что в этой области, по-видимому, не существует единого институционального стандарта местного регулирования межнациональных отношений, что

¹⁶⁷ Заседание Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/16292> (дата обращения: 24.05.2014).

вызывает некоторое удивление. Впрочем, вполне возможна более глубокая и скрытая аппаратная логика, касающаяся вопросов финансирования тех или иных органов, внутренних критериев необходимости той или иной организационной структуры. Таким образом, за невозможностью более глубокого изучения этого вопроса не будем считать эту несогласованность местной институциональной структуры большим недостатком.

В целом, экспертами часто особо подчеркивается роль (а также, очевидно, и ответственность) органов местного самоуправления, потому что «этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем». Вступил в силу закон о введении прямой ответственности главы муниципального образования за гармонизацию межнациональных отношений и отсутствие конфликтов на такой почве. «Если межнациональные конфликты дорастут до массовых беспорядков или чрезвычайной ситуации, это может стать основанием для отставки мэра»¹⁶⁸. При этом не следует забывать, что по данным мониторинга, проводимого Минрегионом России, а также по сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России, начиная с 2004 года, в стране наблюдается неуклонный рост числа конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. По сходному поводу, но о сложившемся устройстве СССР Э. Геллнер писал: «ни одна бюрократически упорядоченная система подобных понятий не может упорядочить всю сложность реальной этнической ситуации; еще в меньшей степени способна она уладить возникающие многочисленные этнические конфликты, не обидев одного или обоих их участников»¹⁶⁹. Сама идея прямой ответственности муниципальных властей за проявления национальных конфликтов, зачастую зарождающихся на федеральном уровне, выглядит как переложение ответственности на местных чиновников.

¹⁶⁸ Кичанова В. Кто в ответе за межнациональные конфликты? Конечно же мэры! [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kto_v_otvete_za_mezhnatsionalnye_konflikty_konechno_zhe_mery-914984.xhtml (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁶⁹ Геллнер Э. Нации и национализм – М.: Прогресс, 1991. – с. 15

Кроме того, всё это позволяет спрогнозировать возможность манипулирования информацией о реальном положении дел и записывания конфликтов на национальной почве в проявления бытовой неприязни или бандитизм, в зависимости от масштаба, помимо уже упоминавшегося давления на местные или региональные элиты акцентом на «недостаточно активном воздействии» на сложную этническую обстановку в подотчетном им регионе. «Так, за сам факт допущения межнационального конфликта предлагается налагать штраф до полумиллиона рублей. Если же глава региона или района "способствовал развитию конфликта словами или конкретными поступками", то законопроект предусматривает для него уголовную ответственность - вплоть до двух лет лишения свободы»¹⁷⁰. Кроме того, председатель президиума президентского совета по межнациональным отношениям М.М. Магомедов отмечает, что в регионах мало специалистов соответствующего профиля, в особенности «этнополитиков, людей, которые понимают, как решать конфликты»¹⁷¹. Ликвидировать это предлагается путём внедрения целой системы мер: в частности, повторяется идея о выстраивании системы подготовки кадров. Недостаточно глубокая или упускающая этнокультурные аспекты подготовка госслужащих, по-видимому, является довольно значительной проблемой. Так, В.А. Тишков указывает, что «Из Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” совершенно “выпала” этнокультурная проблема, хотя вопросы культуры, досуга, безопасности находятся в ведении органов местного самоуправления»¹⁷².

¹⁷⁰ Кичанова В. Кто в ответе за межнациональные конфликты? Конечно же мэры!. [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kto_v_otvete_za_mezhnatsionalnye_konflikty_konechno_zhe_mery-914984.xhtml (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁷¹ У нас не хватает этнополитиков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2348035> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁷² Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – с. 21

В целом, очевидно, не ставится задача полной унификации системы контроля и предотвращения этнополитических конфликтов в регионах, но необходимо «чтобы в каждом регионе была структура в органах власти, которая занимается этим вопросом»¹⁷³. При этом стоит также подчеркнуть преимущественно недискуссионный и неизбираемый характер функционирования тех немногих региональных (как, впрочем, и федеральных) органов, которые непосредственно занимаются национальной политикой, что добавляет необходимости диверсификации способов влияния на межнациональные политические процессы за счет использования институтов гражданского общества. В более давней справке профильного ведомства предоставленная В.Ю. Зориным статистика выглядит более ясной и удручающей, ясно показывающей недоосмысленность и недофинансированность интересующей нас сферы политики: «в 19 субъектах федерации действуют профильные министерства и комитеты, в 59 регионах отделы или сектора существуют в рамках структурных подразделений различного профиля (культура, СМИ, связи с общественностью и др.), в 7 субъектах федерации нет никаких структур или вопросы межнациональных отношений совмещает с другими функциями один специалист»¹⁷⁴. Там же отмечается что именно регионы несли основные материальные расходы по реализации государственной национальной политики, что также вписывается в концепцию расширения их полномочий и увеличения количества доступных рычагов влияния. Таким образом, мы видим, что если современную местную институциональную структуру проведения интересующей нас политики еще можно объяснить разными соображениями,

¹⁷³ У нас не хватает этнополитиков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2348035> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁷⁴ Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническим общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

то имевшая место несколько лет назад ситуация совершенно точно свидетельствует о провале регионального государственного регулирования межнациональных отношений, включая требующие более пристального внимания национальные республики, в которых с самоопределением могли актуализироваться некоторые конфликтогенные факторы.

Важно понимать, что федеральный центр планирует внедрить в рабочий процесс интересующих нас региональных органов ряд репрессивных и ограничительных мер для усиления контроля над вопросами взаимоотношения этносов, а также создать специальный консультативно-контролирующий орган – Совет по межнациональным отношениям. «Это не должно быть стандартное ведомство. Скорее речь должна идти о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия»¹⁷⁵. Основная новизна национальной политики времен начала третьего срока президента В.В. Путина свелась к образованию построенного на обозначенных в соответствующей программной статье принципах Президентского совета по вопросам национальностей, необходимого для законодательного их утверждения. Важным при рассмотрении различных инструментов контроля является и постулат о необходимости «разграничения полномочий и ответственности между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также уточнения компетенции органов местного самоуправления по вопросам реализации государственной национальной

¹⁷⁵ Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническим общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

политики Российской Федерации»¹⁷⁶. Вполне возможна ситуация, при которой на региональные власти будет спускаться ответственность за межэтническое напряжение, вызванное изъянами федеральной политики. Отметим, что в аналитических справках повторяется достаточно неожиданная на фоне значительной централизации инструментов проведения национальной политики мысль о несовершенстве действующего федерального законодательства, «когда большинство функций в сфере межнациональных отношений и профилактической работы оказались сосредоточены на региональном уровне. Полномочия федерального центра и органов местного самоуправления оказались явно недостаточны»¹⁷⁷. Здесь мы усматриваем возможность тонкой игры смыслами со стороны центра: оставить основную часть реальных полномочий на федеральном уровне, но отдать некоторые символические инструменты регионам, добавив к ним полноценный груз ответственности за проявления межнациональных конфликтов и иные провалы национальной политики.

При этом сами регионы, неспособные напрямую влиять на федеральный вектор национальной политики, имеют весьма мало рычагов для снятия этого напряжения и восстановления контроля над ситуацией: основной корпус возможностей сводится к проведению агитационных мероприятий (различной степени успешности) по повышению толерантности или усилению полицейского и правоохранительного контроля. Однако далеко не все проблемы межэтнического взаимодействия можно решить таким образом. Сюда же относится также упомянутое в тексте «установление

¹⁷⁶ Часть III. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р О создании консультативного совет по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

¹⁷⁷ Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническими общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

ответственности должностных лиц государственных и муниципальных органов за состояние межнациональных отношений на соответствующих территориях, а также мер стимулирования указанных лиц». Впрочем, вполне возможно, что это лишь подготовка законодательного инструмента политического давления на потерявших федеральное доверие чиновников, обосновывающего их снятие или перевод на другую должность провалившимися попытками снижения уровня межнационального напряжения на доверенной им территории. Вероятен также вариант, при котором все это необходимо всего лишь для снятия ответственности за этнонациональные региональные конфликты с федеральной власти.

Наиболее важным направлением нам представляется развитие сотрудничества федеральных органов, занимающихся национальной политикой, с институтами гражданской общества, а также передача им части полномочий по модификации локального курса соответствующих политических процессов – снижение удельной доли исключительно государственного регулирования межнациональных отношений в пользу расширенного применения общественного регулирования.

В ходе изучения новой Стратегии межнациональной политики стоит выделить основные задачи в сфере регионального управления вопросами межнациональной политики. Так, упоминается «объединение усилий государственных и муниципальных органов и институтов гражданского общества для укрепления единства российского народа»¹⁷⁸. Здесь необходимо понимать достаточно принципиальный момент: вероятнее всего, под институтами гражданского общества понимаются национально-культурные автономии. Во всяком случае, речь точно не идёт о низовом создании социально-политических объединений по этническому или национальному признаку, т.к. постоянно повторяется тезис о недопустимости

¹⁷⁸ Часть III. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р О создании консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

формирования этнических партий (а также даже о «профилактике недобросовестного использования этнического фактора в избирательном процессе и в партийных программах») и вообще какой бы то ни было активности, не соответствующей официальному государственному курсу.

Национально-культурная автономия (НКА) – достаточно широкое понятие, подразумевающее свободное самоопределение некоей группы как малого народа и этноса и дающее этой группе некоторую свободу действий по преследованию своих интересов и сохранению собственной культурно-лингвистической самобытности. В принципах национально-культурной автономии не последнее место занимают самоорганизация, самоуправление и сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой. В то же время весь этот институт, крайне полезный для необходимого в условиях мультикультурности представительства интересов различных этносов, относится скорее к области культуры и языка, а не экономической и политической сфере (распределению финансовых потоков, представительству в составе федерации и т.п.). Кроме того, отдельно подчёркивается, что «право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение»¹⁷⁹.

Несмотря на возможность участия представителей НКА в международных неправительственных организациях, поле возможного легального действия в пределах федерации достаточно узко и сводится, в целом, к организации учебных заведений, языковых и культурных центров, музеев и СМИ, служащих поддержке собственной малой культуры и народной традиции, а также получению определённой федеральной дотации на эти цели. Таким образом, институт национально-культурной автономии и ряд НКА, существующих на данный момент, весьма ограниченно влияют на внутригосударственный политический процесс, в худшем случае и вовсе являясь проектом, предназначенным в первую очередь для получения

¹⁷⁹ Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О национально-культурной автономии» // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

государственного финансирования. Основное декларируемое отличие от свойственной Советскому Союзу относительной национальной культурной («Надэтническая идентичность – «советскость» – формировалась в рамках советской культуры»¹⁸⁰) унификации сводится к более широким возможностям различных национальных культур – однако на административном уровне они по-прежнему не играют никакой роли и не служат широкому представительству интересов народа в органах власти. Несмотря на это, оговоримся, что в некоторых случаях подобные организации выступают авангардом строительства национального государства, своеобразным центром притяжения единомышленников – достаточно вспомнить сыгранную ими роль в строительстве Чеченской, Дагестанской и некоторых прочих кавказских республик после падения Советского Союза.

При этом круг возможных действий (очерченный, к примеру, в Федеральном законе №74-ФЗ «О национально-культурной автономии») все же остаётся крайне узким и преимущественно направленным на поддержание существования коренной культуры и языка. Возможно на основе имеющихся эмпирических данных экстраполировать практику применения института национально-культурной автономии в регулировке федеральной национальной политики. При неизменности статуса и полномочий самого института она неизбежно будет наталкиваться на множество препятствий, одним из которых является внутренняя противоречивость самого закона, лежащего в основе этого института. Согласно В.А. Тишкову, одно из постановлений Конституционного суда РФ установило, что «на уровне Федерации, того или иного субъекта Федерации, местного поселения может быть только одна автономия того или иного этноса»¹⁸¹. Таким образом, возможности для создания новых и функционирования некоторых старых

¹⁸⁰ Жаде З., Куква Е., Ляушева С. и др. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – с. 37

¹⁸¹ Тишков В.А. К единству многообразия. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/k_edinstvu.html (дата обращения: 24.05.2014).

НКА формально оказываются вне правового поля, что существенно ограничивает их и без того небольшую сферу применения. При этом, скорее всего духу закона их существование не противоречит и едва ли кто-то будет требовать их закрытия. Данную двойственную норму можно сравнить с аналогичным положением, запрещающим регистрацию партий по национальному признаку. Сам институт национально-культурной автономии поддается весьма активной государственной регулировке посредством созданного в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации (от 17 апреля 2006 года № 527-р) Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России, куда вошли лидеры всех федеральных национально-культурных автономий.

Несмотря на существование системы региональных консультативных и экспертных советов по межнациональным отношениям и взаимодействию с национальными организациями, и создание, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации¹⁸², Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития Российской Федерации, в который вошли главы федеральных национально-культурных автономий, приходится вновь признать, что на момент написания статьи не существует подлинно всестороннего и эффективного, связанного с институтами гражданского общества механизма реализации концепции государственной национальной политики, что отмечается и различными экспертами, в том числе государственными служащими. Это связано прежде всего с недооценкой этнического фактора в построении федеративных отношений, с опорой на традиционные административно-территориальные методы работы и отсутствием системного последовательного подхода к решению этой проблемы. Для расширения возможностей общественного контроля межнациональных

¹⁸² Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р «О создании консультативного совет по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/189386/> (дата обращения: 24.05.2014).

отношений возможным представляется наделение института национально-культурной автономии дополнительными функциями. Так, можно было бы усилить их консультационные полномочия на муниципальном и региональном уровне, чтобы выраженный посредством института национально-культурной автономии результат рационального выбора представленного ей этноса мог быть легче учтен при формировании курса местной политики (например, в контексте распределения финансовых потоков на текущие строительные и инфраструктурные проекты: дороги, школы и больницы). Текущее же положение институтов этнического представительства можно считать первым из ряда несоответствий элементов мультикультурной политике прочим фрагментам концепций межнациональных отношений в РФ.

Следует вспомнить, что даже представители народов, реализовавших своё право на самоопределение и обладающих собственной национальной республикой в составе Российской Федерации (в данном случае, татаров и башкир), были обеспокоены отсутствием реальных рычагов для воздействия на государственную национальную политику и фактической бессмысленностью института национально-культурных автономий, лишь создающих видимость реальной возможности свободы действий в интересующем нас поле. Очевидно, в этом направлении будет вестись работа: на первом заседании Совета по межнациональным отношениям была высказана близкая автору данной работы мысль о расширении прав и полномочий национально-культурных автономий, а также о «наделении её правом осуществления деятельности по межэтническому сотрудничеству, интеграции и адаптации мигрантов, поддержки языкового разнообразия»¹⁸³. На том же заседании Совета М.Л. Шевченко выразил иную крайне важную (однако вновь противоречащую идее монолитной гражданской нации) «мультикультурную» мысль, касающуюся необходимости сращивания

¹⁸³ Заседание Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/16292> (дата обращения: 24.05.2014).

органов формального национального или этнического представительства с реальной национальной и этнической элитой, будь то бизнесмены или интеллигенция, «так называемыми реальными людьми из национальной среды»¹⁸⁴. Отметим, что и другие эксперты отмечали важность национальной элиты: «Именно они [...] не допустят, чтобы межнациональные отношения разъедали сепаратизм, экстремизм, шовинизм и национализм, [...]»¹⁸⁵. Как мы увидим позже, вопрос сферы полномочий и сферы ответственности различных акторов (будь то представители региональных властных элит или определённые институты гражданского общества) действительно является в данной ситуации одним из важнейших.

Кроме того, для подготовки управленческих решений в интересующей нас сфере предполагается использовать Общественную палату Российской Федерации и региональные общественные палаты. В то же время предполагается развивать этнокультурную инфраструктуру, активнее задействовать в этом направлении молодежные и детские общественные объединения, различные межнациональные организации и фонды. Как можно видеть, институциональным инструментом воздействия на национальную политику считают различные административные органы (например, не являющуюся всенародно избираемой Общественную палату, первых 42 членов которой утверждает лично президент) и конкретные (вполне вероятно, жестко контролируемые) общественные организации. В условиях возможности манипулирования информацией о сложных межэтнических взаимоотношениях в регионах также возрастает роль независимой и неангажированной региональной прессы как своеобразного института гражданского общества и гражданского регулирования, однако её реальные возможности могут быть достаточно сильно ограничены

¹⁸⁴ Заседание Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс].

[Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/16292> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁸⁵ Ким М.И. Роль этнических сообществ в гармонизации межнациональных отношений (в свете многообразия культур). [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/2006-06-28_doklad-kim.doc?AttachID=425 (дата обращения: 24.05.2014).

различными законодательными мерами, о необходимости введения которых говорилось выше. Проблема существования источника объективной информации о подобных темах остаётся открытой. В то же время существует информация о проекте создания «карты межнациональных отношений». «В регионах сейчас создаются управления по внутренней политике, межнациональным отношениям, специалисты которых могли бы анализировать ситуацию в этой сфере, вырабатывать какие-то свои предложения»¹⁸⁶. Вопрос о функции, выполняемой этой «картой» пока остается открытым: будет ли эта информация доступна всем желающим, или сохраняться преимущественно для внутреннего пользования, пока неясно. Вероятно, шагом в том же направлении является объявление о создании в Санкт-Петербурге комитета по межнациональным отношениям по инициативе губернатора¹⁸⁷. Пока нет возможности с уверенностью сказать, является ли это инициированной из федерального центра проверкой возможности создания аналогичных структур во всех крупных городах и\или регионах или это действительно частный проект полностью локального характера.

Существует также организация, называемая Ассамблеей народов России и способная представлять в нашем анализе проправительственные негосударственные организации, занимающиеся межнациональными отношениями. Она была образована после принятия Концепции национальной политики 1996 года и должна была стать одним из важнейших элементов механизма реализации федеральной национальной политики. Основной задачей Ассамблеи является налаживание диалога между органами государственной власти и национальными общностями, участие в законотворческом процессе и миротворческой деятельности. В целом,

¹⁸⁶ В Госдуме предлагают создать «карту межнациональных отношений» в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20120823/729147933.html> (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁸⁷ В Петербурге создали комитет по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/11/reg-szfo/komitet-anons.html> (дата обращения: 24.05.2014).

интенсивность ее работы, судя по всему, сильно снизилась после упразднения Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики в 2001 году. По крайней мере, на официальном сайте мало материалов и документов, датированных 2002 и более поздними годами. Одним из наиболее активных отделений Ассамблеи, судя по материалам сайта, является образованный в 2006 году Комитет по традиционным видам спорта. Это лишь подчёркивает преимущественно представительский и дискуссионный характер организации, а также акцент на поддержание культуры малых народов, оказание помощи взаимодействию этих народов с государственными органами и прочими участниками гражданского общества.

Можно также упомянуть о таком неоднозначном шаге как «официальное учреждение российской нации», состоявшееся весной 2008 г. при создании Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Российская нация», в свою очередь, образованного в рамках реализации Программы политических действий Всероссийской политической партии «Единая Россия» «Многонациональный народ России: этнокультурное многообразие-гражданское единство». При этом в попечительском совете состоит масса губернаторов, депутатов Государственной Думы, глав различных федеральных национально-культурных автономий и подобных организаций. Данная организация является одной из ряда прочих (куда также входят, например, многочисленные «фестивали», посвященные насаждению толерантности и дружбы народов), полезность и работоспособность которых вызывает серьезные сомнения. Не отрицая важность заполнения этой ниши негосударственных проправительственных организаций, все же как-то связанных непосредственно с представителями тех или иных этносов или наций, хотелось бы видеть большую их активность в политической и социальной сфере.

В комплексе мер по взаимодействию с институтами гражданского общества также предусмотрены отдельные инструменты контрольно-

репрессивного характера, в особенности, связанные с наблюдением за публикациями в СМИ. Один из них – «Комплексная информационная кампания, направленная на укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности». Данный медиа-проект осуществляется Министерством регионального развития РФ при содействии «Независимой газеты» и радио «Эхо Москвы». Кампания призвана развивать необходимые современному российскому обществу процессы – «укрепление гражданского единства через осознание общих ценностей, исторической судьбы и принадлежности к своей стране. Но в то же время – развитие традиционно присущего гражданам России уважения и взаимопонимания между всеми народами, живущими в Российской Федерации»¹⁸⁸. Вновь сталкиваются тенденции «мультикультурализма» и «плавильного котла», предполагается под угрозой санкций доносить в СМИ две диаметрально противоположные мысли. При этом степень акцентирования на том или ином аспекте остается, разумеется, совершенно туманной.

Контроль над СМИ, впрочем, планируется осуществлять с применением и позитивного стимулирования, подразумевающего «организацию и проведение конкурсов на лучшее освещение в средствах массовой информации»¹⁸⁹ вопросов межнационального взаимодействия». Однако ограничительных мер гораздо больше – за подаваемой СМИ информацией предполагается осуществлять контроль со стороны «органов государственной власти и органов местного самоуправления с участием институтов гражданского общества и журналистского сообщества». Общественный контроль над публикациями, посвященными определенным темам, необходим «в целях недопущения публикаций, направленных на

¹⁸⁸ Жаде З., Куква Е., Ляушева С. и др. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – с. 56

¹⁸⁹ Часть III. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р О создании консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»

разжигание межнациональной (межэтнической) или межконфессиональной ненависти либо вражды». Впоследствии в рамках исследования вопросов национальной политики интересно будет проследить, какие именно институты гражданского общества могут на практике работать в этом направлении и глубже понять механизм их воздействия. К примеру, сообщается, что «Президентский Совет по межнациональным отношениям (СМО) предлагает создать специальное частное агентство, которое по заказу государства займется информационным продвижением задач национальной стратегии России и ценностей, объединяющих всю страну»¹⁹⁰. Предполагается, что это агентство станет мозговым центром, занимающимся формированием трендов в информационном пространстве и работой со СМИ (в том числе в виде премирования лучших журналистов).

В заключение можем отметить, что, несмотря на ликвидацию СССР и потенциальную возможность полного разрыва с его национальной политикой унификации, а также заявленное дистанцирование от этих концепций, правительство Российской Федерации продолжает действовать скорее административно-территориальному, а не этническому подходу. Более того, та же инерция наблюдается и в деятельности государственных федеральных органов, занимающихся национальной политикой. Доступные для изучения отчёты этих органов вследствие вышеуказанных особенностей, отразившихся на поднимаемых темах, на применяемом категориальном аппарате, отличаются недостаточно высокой информативностью и содержательностью – при более глубоком рассмотрении собственно этнической стороны межнациональных отношений качество анализа могло бы повыситься. Также неудовлетворительной представляется отрицательная динамика развития этих органов, ликвидация профильного министерства, которая, впрочем, в самом скором будущем, возможно, будет отчасти компенсирована работой Совета по межнациональным отношениям.

¹⁹⁰ Межнациональный мир в России обеспечит новое агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/544321> (дата обращения: 24.05.2014).

Изучив практику в области государственного и общественного регулирования, проводимого, соответственно, через различные государственные органы и нормативно-правовые акты, а также партийный аппарат, мы находим подтверждение относительной неэффективности государственного регулирования. Виной тому, в первую очередь, несогласованность практических принципов проведения национальной политики с теоретическими концепциями (фактическое отсутствие полномочий или политической воли у национально-культурных автономий, региональных властей и связанных с правительством институтов гражданского общества). В то же время институты общественного регулирования (например, партийный аппарат), порой оказываются эффективнее в деле выражения интересов различных наций в многонациональном государстве – не в последнюю очередь тому способствует принципиально выборной их характер, что обеспечивает более прямую связь электората с субъектом формирования национальной политики. Однако и они в данный момент используются не на полную мощность: так, отсутствуют попытки обратиться к тому или иному этносу или нации адресно для облегчения конвертации совершаемого им рационального выбора в осуществляемый посредством института партии политический процесс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Множество внутренних категорий, выделившихся в ходе трансформации понятий «этнос» и «нация», в целом, сводятся к противопоставлению эволюционизма, а также примордиализма, являющегося весьма популярной его разновидностью и позже оформившегося конструктивизма. Теоретическая основа этих направлений уже в достаточной степени разработана, и определяющие, программные тексты уже написаны, хотя в случае конструктивизма остается определенный простор для дальнейшего развития и углубления темы. По мере проводившихся сторонниками обоих направлений исследований был достигнут относительно устойчивый терминологический консенсус, отводящий «этносу» место фактора разделения человеческих общностей по признакам общего происхождения и культуры, а нации – место более или менее сознательно конструируемого людьми инструмента политической самоидентификации и проявления политической воли. В ходе исторического развития политической науки смысловое содержание данных терминов постепенно усложнялось и модифицировалось: согласно нашему комплексному определению, этнос представляет собой сообщество, объединяемое воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями, а нация – динамическое сообщество, объединяемое и определяемое политическими и символическими результатами рационального выбора.

Кроме того, при дальнейшем изучении феномена нации в рамках функционирования многоэтнического или многонационального государства нельзя не отметить значительную необходимость и обоснованность применения институционального подхода. К этому подталкивает в том числе и основанный на институтах в различном понимании этого термина характер нации как воображенного сообщества, в немалой степени построенного на

общественном консенсусе о самом факте существования нации и необходимых для «вступления» в нее признаках, а также общественном договоре, согласно которому нация является субъектом определенных политических процессов. Все смысловые слои многосоставного понятия «институт» в данном случае позволяют полнее раскрыть суть политического процесса в многонациональном государстве благодаря тому, что таким образом мы можем рассмотреть не только конституирующие сущности первого порядка – объективно и формально существующие политические институты – но и пойти глубже, на уровень не имеющих правового статуса теоретических концепций, верований и представлений, формирующих канву внутренней национальной политики государства, а также, согласно нашему определению института, воздвигающих смысловые рамки, внутри которых возможны различные взаимодействия политических и общественных акторов.

В ходе рассмотрения особенностей функционирования Российской Федерации как многонационального государства обозначаются два основных, во многом противоречащих друг другу направления концептуального обоснования государственного устройства: теоретическое и идеологическое обоснование необходимости существования единой гражданской российской нации («плавильный котел»), а также предположение о необходимости правового установления и идеологической поддержки равного статуса всех живущих в границах РФ этносов («мультикультурализм»). Вопрос соотношения этих разнонаправленных тенденций в ходе реальных институциональных практик остается не полностью закрытым. Исторически сложившиеся концепции межнациональных отношений Российской Федерации при ближайшем рассмотрении обладают рядом внутренних проблем, несогласованностей и едва ли способны быть в полной мере реализованы в ближайшей исторической перспективе. Кроме того, многие из существующих сложностей связаны с применением административно-территориального

подхода даже в тех случаях, когда представляется разумным подойти к проблеме с точки зрения национального подхода, рассматривая население требуемой республики как политически представленную нацию и открывая тем самым возможность применения специфических, эксклюзивных для нации институциональных рамок и норм. Отдельные опасения вызывает несогласованность декларируемых норм (в особенности, концепции многоуровневой идентичности и проводимой некоторыми национальными республиками политики преференций для титульного населения).

Стоит отметить, что в деятельности государственных органов, занимающихся регулированием национальной политики, также наблюдается значительная инерция. Доступные для изучения отчёты этих органов отличаются недостаточно высокой информативностью и содержательностью – при более глубоком рассмотрении собственно этнической и национальной стороны межнациональных отношений качество анализа могло бы повыситься. Использование традиционного бюрократического административно-территориального подхода, не учитывающего основную область интересов внутренней национальной политики, даже в работе органов, ей занимающихся, представляется значительной недоработкой. Также неудовлетворительной представляется отрицательная динамика развития этих органов, ликвидация профильного министерства, которая, впрочем, в самом скором будущем, возможно, будет отчасти компенсирована созданием Совета по межнациональным отношениям и новой Стратегии государственной межнациональной политики Российской Федерации.

Изучив практику различных органов гражданского общества и местного самоуправления в области государственного и общественного регулирования курса межнациональной политики, можем сделать вывод об относительной неэффективности государственного воздействия. Виной тому, в первую очередь, уже упоминавшаяся выше несогласованность практических принципов проведения национальной политики с теоретическими концепциями (например, фактическое отсутствие

полномочий или политической воли у национально-культурных автономий, региональных властей и связанных с правительством институтов гражданского общества). В то же время институты общественного регулирования межнациональных отношений (например, партийный аппарат), могли бы эффективнее выражать интересы различных наций в многонациональном государстве – не в последнюю очередь тому способствует принципиально отличный от различных государственных бюрократических органов выборной их характер, что в условиях здоровой электоральной обстановки обеспечивает более прямую и непосредственную связь электората с субъектом формирования национальной политики.

Первым шагом к формированию поправок в курс внутренней национальной политики могло бы стать обновление научно-исследовательского и категориального аппарата, работающего с вопросами национальной политики, необходимое для большей специализации его, отделения «горячих» вопросов сосуществования этносов и наций от сущностно иных и неблизких им вопросов экономического, аппаратного и прочих характеров. Кроме того, необходима масштабная работа с идеологическим обоснованием концепции российской многонациональности, ликвидация противоречий и выделение одного, при этом достаточно реализуемого курса. Между тем, этому во многом препятствует и изрядная политизированность вопроса национальных конфликтов, мотивируемая естественным, но опасным желанием подавлять их методом переиначивания мотивов того или иного конфликта или умалчивания о напряженном состоянии межнациональных отношений в регионе. Все это может сыграть свою негативную роль. Вторым немаловажным шагом стала бы передача более мощных рычагов влияния гражданскому обществу в противовес централизованной модели укрепления гражданской российской нации путем различных безусловно действенных на данном этапе мер репрессивного характера и не столь однозначно положительных – поощрительного характера. Не слишком активная и современная традиция культурных

мероприятий и фестивалей советского типа, призванных повышать взаимную толерантность сосуществующих этносов и наций, должна была бы подкрепляться видимым стремлением живых представителей этих этносов и наций сосуществовать в рамках единого государства. Это можно было бы организовать через расширение полномочий и свобод института национально-культурной автономии, разрешению институту партии больше внимания уделять национальному вопросу или через действие иных общественных организаций и институтов гражданского общества. Считаем возможным полагать, что не любая низовая активность в этом поле привела бы к росту сепаратистских или центробежных тенденций, что поле легальной национальной политики в Российской Федерации слишком зажато федеральным правительством и могло бы несколько оздоровиться при допуске иных субъектов к вопросам формирования курса национальной политики, хотя бы в рамках своих регионов.

В ходе выполнения работы были достигнуты **следующие результаты**:

- Определены основные черты примордиалистского и конструктивистского подходов к феноменам этноса и нации, сформулированы авторские определения этих понятий.
- Исследованы способы институциональной организации общества в рамках «этносов» или «наций», сформулировано авторское понятие института.
- Выявлены противоречия и конфликтные тенденции, существующие в сложившихся институциональных практиках государственного регулирования межнациональных отношений в РФ.
- Сопоставлены и определены дополнительные противоречия данным практикам, возникшие со стороны институтов гражданского общества и местного самоуправления.
- Путем соотнесения обнаружены потенциально более предпочтительные пути общественной институциональной регуляции межнациональных отношений в многонациональном государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература:

1. Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/2institutSIONalizm_i_politicheskaya_transformatsiya_rossii.doc (дата обращения: 24.05.2014).
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
4. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: «Логос», 2004. – 288 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
6. Бромлей Ю. К вопросу о сущности этноса // «Природа». 1970. №2. – с. 51-55
7. Бромлей Ю. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: «Наука», 1981. – 389 с.
8. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2012. – 408 с.
9. Валуев В. Ресурс этничности в позиционировании региона в мире: Республика Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/papers/1/> (дата обращения: 24.05.2014).
10. Васильцова В.М., Тертышный С.А. Институциональная экономика. – СПб: 2013. – 256 с.
11. Геллнер Э. Нации и национализм – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
12. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

13. Гранин Ю.Д. Массмедиа в формировании российской нации: неутешительные итоги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.ipk.ru/index.php?id=1925> (дата обращения: 24.05.2014).
14. Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2012. – 528 с.
15. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука. Новые направления. – М.: Вече, 1999. – 695 с.
16. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
17. Гумилёв Л.Н. Этнос как явление. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnos-kak-yavlenie/> (дата обращения: 24.05.2014).
18. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1979. – 405 с.
19. Дегтярев А. А. Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
20. Жаде З., Куква Е., Ляужева С., и др. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 248 с.
21. Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009. №1 (январь–март). – с. 72-85
22. Зорин В. Ю. Государственная национальная политика в России и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. — 33 с.
23. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Летний сад, 2004. – 280 с.
24. Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции / Под ред. Амелина В.В., Злобина

- П.Ю., Кузахметова Р.К. и др. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – 350 с.
25. Калхун К. Национализм. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 228 с.
26. Капелюшников Р.И. Неоинституционализм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/neoinstitutionalism> (дата обращения: 24.05.2014).
27. Кедури Э. Национализм. – СПб.: Алетейя, 2010. – 136 с.
28. Керемецкий И. Национализм как объективная реальность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosconservator.ru/articles/48/> (дата обращения: 24.05.2014).
29. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. – М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2011. – 416 с.
30. Кohn Г. Национализм: его смысл и история. [Электронный ресурс]. URL: <http://traditio-ru.org/holmogorov/library/k/kohn/1.htm> (дата обращения: 24.05.2014).
31. Кorkmazov А.Ю. Северный Кавказ в системе геополитических интересов России (Материалы XII региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй). [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/13021893/korkmazov.pdf> (дата обращения: 24.05.2014).
32. Коротева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – 139 с.
33. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
34. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
35. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. [Электронный ресурс]. URL:

обращения: 24.05.2014).

36. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН., 2009. – 147 с.
37. Манен, Б. Принципы представительного правления. – СПб: ЕУСПБ, 2009. – 323 с.
38. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 855 с.
39. Мельвиль А. Ю. [и др.]. Политология: учеб. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 624 с.
40. Морган Л. Древнее общество. – Ленинград: Издательство Института народов севера ЦИК СССР, 1935. – 350 с.
41. Науменко Н.Е., Денисов Н.Г., Коваленко Т.В. Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сборник научных статей по материалам II международной научно-практической конференции, 24-27 сентября 2009 года. – Краснодар: Альфа-Полиграф, 2009. – 580 с.
42. Нации и национализм. / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
43. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробижевой, Е. Головахи. – Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. – 280 с.
44. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
45. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.

46. Паин Э.А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 272 с.
47. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке; этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. Зарубежная политология в XX столетии. 2001. №2. – с. 149-189
48. Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология. – 2011. – №4. – с. 142-147
49. Политология. Словарь. – РГУ. В.Н. Коновалов. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1182/Институт> (дата обращения: 24.05.2014).
50. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 24.05.2014).
51. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. – Киев: 1902
52. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – 268 с.
53. Российская идентичность в социологическом измерении (Опрос 2007). [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_4.html (дата обращения: 24.05.2014).
54. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности. / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: «Российское философское общество»; Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2011. – с. 4-12
55. Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
56. Современная энциклопедия, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19790> (дата обращения: 24.05.2014).
57. Спенсер Г. Основания социологии. Томъ второй. – С.-Петербургъ: Издание И.И. Билибина, 1877. – 898 с.

58. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/2-19.php> (дата обращения: 24.05.2014).
59. Тишков В.А. Готовы ли мы к переписи населения? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-10/8_ready.html (дата обращения: 24.05.2014).
60. Тишков В.А. К единству многообразия. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/k_edinstvu.html (дата обращения: 24.05.2014).
61. Тишков В.А. Перепись населения и конструирование идентичности. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publicacii3/kollektivn/na_puti_k_/perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 24.05.2014).
62. Тишков В.А. После многонациональности. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/tishh.html> (дата обращения: 24.05.2014).
63. Тишков В.А. Россия это нация наций. В поисках формулы. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya_e1.html (дата обращения: 24.05.2014).
64. Тишков В.А. Чтобы не было Кондопоги. [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/chtoby_ne_.html (дата обращения: 24.05.2014).
65. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.
66. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/824582> (дата обращения: 24.05.2014).
67. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. – СПб: Наука, 2009. – 349 с.

68. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 24.05.2014).
69. Хюбнер К. Нация. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/22_h/ub/ner_00.htm (дата обращения: 24.05.2014).
70. Центр политических технологий. Партийная система и перспективы политического плюрализма в России. [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/tables/analit_mak.doc (дата обращения: 24.05.2014).
71. Шадже А.Ю. Адыгея в российской идентичности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sov-adyg.ru/engine/print.php?newsid=4965> (дата обращения: 24.05.2014).
72. Шадже А.Ю. Российская идентичность в контексте постнеклассической науки // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – №2. – с.123-130
73. Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы, Книга 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/051210113853.xhtml> (дата обращения: 24.05.2014).
74. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – 224 с.
75. Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Выпуск 6 / Под ред. Ю.В. Попкова. – Вып.6. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – 270 с.
76. Ehrenfeld David W. Conserving life on Earth. Oxford: 1970. – 360 p.
77. Heilbroner, Robert L. An Inquiry into the Human Prospect: Looked at Again for the 1990s. New York: W. W. Norton & Company. – 195 p.
78. Hg. G. Reinhold, S. Lamnek, H. Recker. Soziologie-Lexikon. – Muenchen Wien: R. Oldenburg Verlag 1992

79. March, James G. and Olsen, Johan P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78, No. 3
80. Washington, G. Farewell Address 1796. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (дата обращения: 24.05.2014).
81. Woerterbuch der Soziologie / Begruefend von G. Hartfiel. Neugearbeitet von K.-H. Hillmann. – 3-Aufl. Stuttgart, 1982

Официальные документы:

82. Азанбаев Р. Т., Закиров Р. З. Сохранить конституционные основы этнокультурного многообразия народов Российской Федерации! [электронный ресурс]. – URL: <http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/> (дата обращения: 24.05.2014).
83. Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 года №1-ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/19/tatarstan-zakon1-reg-dok.html> (дата обращения: 24.05.2014).
84. Закон Республики Татарстан от 3 июля 1998 г. N 1705 «О культуре». [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/kult.htm (дата обращения: 24.05.2014).
85. Заседание Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/16292> (дата обращения: 24.05.2014).
86. Исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2011 году (по оперативным данным Федерального казначейства) // Федеральная служба государственной статистики.

- [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d01/fin-gos.htm (дата обращения: 24.05.2014).
87. Ким М. Роль этнических сообществ в гармонизации межнациональных отношений (в свете многообразия культур). [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/2006-06-28_doklad-kim.doc?AttachID=425 (дата обращения: 24.05.2014).
88. Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа партии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 24.05.2014).
89. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. N 28-РЗ (принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г.) (в редакции, принятой Конституционным Собранием 12 июля 2006 г.) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_kabardin/chapter/1/#block_100000 (дата обращения: 24.05.2014).
90. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. N ВС-22/15 (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_bashkor/ (дата обращения: 24.05.2014).
91. Конституция Республики Бурятия (принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/chapter/3/ (дата обращения: 24.05.2014).
92. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря
93. Конституция Удмуртской Республики (принята решением Верховного Совета УР от 07.12.94, в ред. от 04.06.2012). [Электронный ресурс]. URL:

- http://www.udmurt.ru/about/government/about_government/constitution/ (дата обращения: 24.05.2014).
94. Концепция Государственной национальной политики Чеченской Республики // Министерство культуры Чеченской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=52&PubID=78> (дата обращения: 24.05.2014).
95. ЛДПР укажет дорогу. [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/Liberal_Democratic_Party_will_show_the_way_the_draft_party_program/ (дата обращения: 24.05.2014).
96. Национальная политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=275> (дата обращения: 24.05.2014).
97. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»
98. Образован совет по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/15577> (дата обращения: 24.05.2014).
99. Общественная палата РФ. Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под редакцией М.В. Романова и В.В. Степанова. – М.: Общественная палата РФ, 2013. – 168 с.
100. Основные цели и задачи государственной национальной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=164> (дата обращения: 24.05.2014).
101. Особенности национальной политики Ингушетии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/011061.shtml> (дата обращения: 24.05.2014).
102. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах

- организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27571/
103. Президент Карачаево-Черкесии утвердил концепцию национальной политики Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchr.info/news/5206-prezident-karachaevo-cherkesii-utverdil.html> (дата обращения: 24.05.2014).
104. Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/> (дата обращения: 24.05.2014).
105. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р О создании консультативного совет по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России. // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»
106. Совет по языковой политике при президенте республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://sakha.gov.ru/section/131> (дата обращения: 24.05.2014).
107. Справедливая Россия. Программа партии: Национальная политика. [Электронный ресурс]. URL: http://spravedlivo.ru/5_47916.html (дата обращения: 24.05.2014).
108. Справка «Об итогах мониторинга в области реализации государственной национальной политики в том числе, в области развития регионов с социально-экономическими, географическими и другими особенностями, а также реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническими общностям России в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://old.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_nacpolitika.doc (дата обращения: 24.05.2014).

109. Справка «Об итогах мониторинга реализации государственно-конфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/confession-monitor/gos_konfes_otn.doc (дата обращения: 24.05.2014).
110. Справка «Об итогах мониторинга реализации государственной национальной политики Российской Федерации, в том числе о практике применения законодательства в сфере межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации во втором квартале 2007 года». [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/monitoring_2_kvartal.doc?AttachID=1209 (дата обращения: 24.05.2014).
111. Указ Президента РФ от 22.06.2006 N 637 (ред. от 04.04.2014) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»
112. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О политических партиях» // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»
113. Часть III. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. N 527-р О создании консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития России // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»

Пресса:

114. 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/95> (дата обращения: 24.05.2014).
115. Алябьева Е. Кто на самом деле кормит Кавказ? [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/economics/kto_na_samom_dele_kormit_kavkaz-1036154.xhtml (дата обращения: 24.05.2014).
116. В Госдуме предлагают создать "карту межнациональных отношений" в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20120823/729147933.html> (дата обращения: 24.05.2014).
117. В Петербурге создали комитет по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/11/reg-szfo/komitet-anons.html> (дата обращения: 24.05.2014).
118. Зорькин: Партии, созданные по национальному признаку, опасны для России. [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomment.ru/news/49065> (дата обращения: 24.05.2014).
119. Кичанова В. Кто в ответе за межнациональные конфликты? Конечно же мэры!. [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kto_v_otvete_za_mezhnatsionalnye_konflikty_konechno_zhe_mery-914984.xhtml (дата обращения: 24.05.2014).
120. ЛДПР предупреждала III. Русский ответ на русский вопрос. – М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2013
121. Мартынюк В. Концепция национальной политики – удар по российской государственности [электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/vrossii/2012/12/20/vladimir-putin/700169-kontseptsiiyanatsionalnoi-politiki-udar-po-rossiiskoi-gosu> (дата обращения: 24.05.2014).

122. Межнациональный мир в России обеспечит новое агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/544321> (дата обращения: 24.05.2014).
123. Минрегион может превратиться в Министерство по делам национальностей. [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/fast/russia/minregion-mozhet-prevratitsya-v-minnats-1014060.xhtml> (дата обращения: 24.05.2014).
124. Общественно-политический журнал ЛДПР «За русский народ». №4 (63), 2013. – 50 с.
125. Русский народ не будет государствообразующим в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/382229.html> (дата обращения: 24.05.2014).
126. У нас не хватает этнополитиков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2348035> (дата обращения: 24.05.2014).